

ТАШКЕНТСКАЯ ПЕЧАТНИЦА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ (ШЕСТОЙ) ВЫПУСК ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРГАНА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН ГАЗЕТЫ «ВАТАНПАРВАР» И СОВЕТА МУЗЕЯ С. ЕСЕНИНА В ТАШКЕНТЕ.

● Февраль, 1993 г.

№ 36 [169] ●

Цена договорная

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПОЭТА

«Предлагаемая читателю статья «Есенин», подписанная «С-ц», принадлежит перу известного русского писателя Степана Гавриловича Скитальца (настоящая фамилия Петров, 1869—1941), автора романов «Дом Черновых», «Кандалы», многочисленных рассказов, повестей, литературно-критических статей и т. д.

Человек трудной судьбы, он с 1921 по 1934 годы жил в Харбине (Китай), где активно сотрудничал в местных газетах и журналах, на страницах которых постоянно публиковались его произведения. К сожалению, большинство из них до сих пор остаются неизвестными даже для специали-

тов, занимающихся изучением жизни и творчества С. Г. Скитальца.

Статья «Есенин» тоже, думаю, относится к разряду «неизвестных»... Она была опубликована в газете «Русское слово» (Харбин) 2 апреля 1926 года. Газета «Русское слово» начала выходить с 31 января 1926 года и стала преемницей другой русской газеты «Русский голос», издававшейся в Харбине с 1 июля 1920 года по 28 января 1926 года (вышло № 1—1616).

Н. Г. ЮСОВ,
председатель Есенинского общества «Радунца».

ЕСЕНИН

ВЕСНОМ девятнадцатого года в разгар революции я выбрался из глухой провинции в Москву, и мне удалось временно поселиться в бывшей гостинице «Люкс» на Тверской, в которой и прежде останавливался. Теперь это была уже не гостиница, а общежитие для работников какого-то учреждения под управлением «коменданта», но администрация оставалась прежняя, смотревшая сквозь пальцы на проживание там своих прежних «гостей».

В соседстве со мной жил молодой человек, мой приятель из начинающих литераторов. Однажды я застал у него юношу лет двадцати четырех, блондина, среднего роста, с коротко постриженными, густыми, выщипанными волосами и синими глазами, смотревшими застенчиво и несколько исподлобья. Он скоро ушел, обещавшись зайти вечером.

— Кто это? — спросил я.

— Есенин, известный поэт! Не читали?

— Нет.

— А вот у меня на столе его книжка. Я развернул маленькую книжонку и прочел первое стихотворение: оно, против ожидания, понравилось мне. Увлечен и прочел всю книжку: о революции там почти ничего не было — больше о деревне и деревенской природе, о жеребенке, пытающемся обогнать экспресс, о грустном клене, стоящем «на одной ноге». Запомнился один яркий и сильный образ:

По небу бежит кобылица:
Шлея на ней — синь,
Бубенцы на ней —

звезды!
— Талант несомненный! — сказал мой приятель. — Резко выделяется из всех нынешних: у них природного-го-то крупица, а у него — по! оханка!.. И все-таки марксисты относятся к нему отрицательно — нет марксистского подхода! Вот, например, за сочувствие этому жеребенку ему здорово наклали. А с другой стороны — есть у него и такие стихи: «Господи, отелись!» — возмущают интеллигенцию!.. Выра-

жение слишком смелое, а если разобрать стихотворение — то по мысли оно хорошее: тучи у него там, как стадо коровье, пусть, дескать, прольются... Вера в плодотворность революции! Но за это «отелись» ему от публики попало... Большевики же определили как поэта мелкобуржуазного и не хотят издавать. Ну, да он сам издается!.. Есть тут кружок имажинистов, так он с ними! Ловкий народ: у государства нет бумаги, а у них — сколько угодно!

— А что такое имажинисты?

— Школа такая... ниче школ этих много! Все больше насчет техники: имажинисты желают писать исключительно одними образами!.. Говорить-то хорошо, так для этого талант нужен, а иначе срунда выходит! Есенину ничего бы этого и не надо, природный талант, а ребята эти его только зри с пути сбивают!

— А что такое имажинисты?

— Школа такая... ниче школ этих много! Все больше насчет техники: имажинисты желают писать исключительно одними образами!.. Говорить-то хорошо, так для этого талант нужен, а иначе срунда выходит! Есенину ничего бы этого и не надо, природный талант, а ребята эти его только зри с пути сбивают!

Вечером у соседа собралась небольшая компания: пришли две его знакомые барышни, а потом явился и Есенин. В завязавшемся разговоре Есенин упомянул, что он из крестьян, что дед его довольно зажиточный мужик, учился в сельской церковно-приходской учительской семинарии, некоторое время был, кажется, сельским учителем. Разговор скоро перешел в спор между Есениным и моим соседом, конечно, о большевиках и революции.

Не есенинское было дело — рассуждать о политике, но как же избежать этого в разгар революции, когда даже обиденная, повседневная жизнь неизбежно оказывалась политической.

«Говорят, я скоро буду самый лучший поэт!» И он действительно был лучшим из всех этих имажинистов, футуристов, акмеистов, поголовно считавших себя гениями.

После чая мы всей компанией отправились в тогдашнее литературное кафе «Домино», хозяевами которого были имажинисты, где каждый вечер исполнялась музыкально-вокальная про-

грамма с их выступлением в конце. «Домино» это находилось в маленьком помещении на Тверской, пройдя Камергерский переулок. На углу Камергерского Есенин остановил нас и, застенчиво ухмыляясь, сказал:

— Прочтите новое название!

На углу вместо прежней надписи была прибита свеженаписанная: «улица Есенина».

— Это я сам нынче утром прибил! Еще не сняли!..

— Ну зачем? — укорял его приятель. — Ведь это же деревенское хулиганство!

Но Есенин, по-прежнему ухмыляясь, только махнул рукой: ему казалось, что мы не понимаем его революционно-имажинистского «протеста» против чего-то или против кого-то.

В двадцать первом году я встретился с ним на заседании «пролетарских писателей» в «Лито» (литературный отдел).

Он по обыкновению был одет франтом, но выглядел мрачно. Долго молча слушал «пролетарские» речи и наконец попросил слова. Все пасторожилась: к этому времени за Есениным уже упрочилась слава профессионального скандалиста.

— Здесь говорили о литературе с марксистским подходом, — начал он своим звениющим голосом, — никакой другой литературы не допускается!.. Это уже три года! Три года вы пишете вашу марксистскую срунду! Три года мы молчали! Сколько же еще лет вы будете затыкать нам глотку? И на кой черт и кому нужен марксистский подход?

Кругом засветились улыбки: чего же и было ждать от Есенина, кроме скандала? Это его манера, его конек. К нему относились несерьезно, как к чудачку или немножко непорочно.

Вскоре после этого, Есенин в пьяном виде пытался броситься с четвертого этажа, с балкона на мостовую, но его удержали друзья-имажинисты.

Потом он улетел на аэроплане со старухой Душкой в Берлин, и с этого времени началась его «скандальная

слава» в мировом масштабе. Пил и скандалил во всех столицах мира. По возвращении женился на внучке Льва Толстого, но быстро спился и опустился.

Советская пресса не объясняет поводов к его страшному самоубийству, говорят, что не материальная нужда была тому причиной. Лучшим объяснением его тяжелого душевного состояния в предсмертный период служат последние стихотворения Есенина, поражающие искренним чувством отчаяния испоконной, загрязненной души, растоптанной «буднями революции», омарченной всеобщим цинизмом

советского быта.

Известно, что запойные пьяницы умирают не во время опьянения, а после, во время похмельных страданий, если им не дадут вновь опьяниться. Экспансивный, пылкий поэт был опьянен началом революции, но когда в конце ее он сделался пьяницей и скандалистом — то это было уже тяжелым и мучительным отрезвлением, мрачной тоской безнадечного похмелья, которого он и не вынес.

С. Ц.
 («Русское слово»,
Харбин, 1926 г.).
(Печатается
с сокращениями).

● Н. ПЕРЕПЕЛИЦЫНА

С. ЕСЕНИНУ

Никогда я не была в Рязани,
Незнакомка с шелестом берез,
Для меня весь этот мир казался
Необычным царством чудных грез.
Привлекал поэта мир далекий,
Воспевал всегда золотую Русь,
Весь такой кудрявый, синегоний,
Нежил в моем сердце тайны грусть.
Побывал в далеком Туркестане —
Покорил его восточный край.
Познакомился с ташкентским дастарханом
О, чарующий, волшебный край!
А спустя два года, две весны,
С нежной грустью будет воспевать
Золото холодное луны
И красавицы божественную стать.
И словесным жемчугом во мгле
Занесется нежные паневы:
Шаганэ мой ты, Шаганэ!
Имя звонкое восточной девы.

ВСЯК ПО-СВОЕМУ «ПРИЧАЩАЕТСЯ»

● П. МЕДВЕДЕВ

В Москве, на Центральной студии документальных фильмов, состоялся предварительный просмотр готовящейся к выпуску киноленты «С. Есенин. Причастие».

Как известно, в последнее время появилось много новых документов, других материалов, извлеченных из тиши спецхранов, которые помогают по-новому взглянуть на прошлое. Находятся и новые сведения о жизни и творчестве Сергея Есенина.

Поэтому понятно желание Областного управления культуры, заказавшего московским кинодокументалистам новый фильм о С. Есенине, увидеть на экране более объемный, более многомерный образ великого поэта.

Какой же получился кинолента?

В ходе длительного обсуждения зрители (а среди них были писатели, литературоведы, режиссеры, работники есенинского музея-заповедника) сошлись в одном: фильм получился талантливым, необычным. Но... как справедливо заметил сотрудник Института мировой литературы имени М. Горького Сергей Субботин, в фильме на место Сергея Есенина можно поставить любого другого художника, попавшего в мешанину событий начала века. По своему содержанию эта кинолента — не столько о поэте, сколько о его эпохе. В фильме используется огромное количество кадров архивной кинохроники, но мало отводятся места Есенину, мало звучит его стихов, да и подбор воспоминаний о поэте слишком уж тенденциозен. По существу, вся лента строится на воспоминаниях А. Мариенгофа (которые, как известно, слишком субъективны и грешат массой неточностей) да на оценке творчества Сергея Есенина, данной Л. Троцким.

Как заметил сценарист Евгений Крамарский, от первоначального сценария фильма, в сущности, ничего не осталось. Не учтено было и мнение консультантов — сотрудников музея-заповедника С. А. Есенина в Константинове К. Воронцова и Л. Аршиповой, которые попросили убрать из титров свои фамилии.

По существу, «С. Есенин. Причастие» — авторский фильм молодого режиссера Марины Садчиковой, которая предлагает зрителям свое субъективное восприятие Есенина и эпохи. Фильм богат неожиданными ассоциациями, контрастами, автор киноленты как бы хочет сказать: «Смотрите, вот такой была жуткая эпоха любви всех и вся, вот как перемолола она талант Есенина». Но, как заметил Сергей Носовичкин, Есенин своей поэзией вырывается из своего мрачного времени и приближается к вечности. Несомненно, кинолента «С. Есенин. Причастие» вызовет споры, но едва ли оставит зрителей равнодушными.

(«Молодежный курьер», Рязань, 15.2.92).

НА МАЛОЙ ПОСАДСКОЙ

● Л. КАРОХИН

Дом № 26 на Малой Посадской улице в Санкт-Петербурге расположен в месте резкого поворота улицы и своим очертанием повторяет этот изгиб. Этот дом был капитально перестроен в 1904—1907 годах петербургскими архитекторами А. И. Заверским и В. В. Старостиным для Императорского женского педагогического института.

В институте преподавали видные петербургские ученые, и среди них профессор (впоследствии академик) Павел Никитич Сакулин (1868—1930). До 1915 года он жил и работал в Москве, где читал лекции в Народном университете А. И. Шаявского. Одним из слушателей этого университета был Сергей Есенин, который полтора года учился на историко-философском отделении.

П. Н. Сакулин — один из первых литературоведов, высоко оценивший дарование юного Есенина. После выхода в свет в конце января 1916 года в Петрограде первой книги поэта «Радуница» он в статье «Народный златоцвет» писал: «С первых же минут своей жизни Есенин приблизился к народно-поэтическому миру...»

В конце 1915 года П. Н. Сакулин переехал в Петроград. В институте на Малой Посадской он не только читал лекции по литературе, но и вел занятия литературного кружка. В газете «Волжская коммуна» (г. Куйбышев) 29 сентября 1957 года были опубликованы воспоминания бывшей студентки этого педагогического института Антонины Воцакиной. Она писала: «Однажды профессор Сакулин объявил, что на следующем занятии

кружка будет участвовать молодой, начинающий поэт Сергей Есенин». Есенин жил тогда на набережной реки Фонтанки, в квартире 9 дома № 149, у сестры поэта Н. Клюева — К. А. Расщеперной. На литературный вечер Есенин пришел с Клюевым.

Собрание литературного кружка, на котором были Есенин и Клюев, состоялось 10 февраля 1916 года. Это известно из сохранившегося у Воцакиной приглашительного билета. Кстати, этим же днем датирована дарственная надпись на книге «Радуница», подаренной Есениным А. М. Горькому. Однако предположение о том, что Горький присутствовал на занятии литературного кружка, видимо, несостоятельно — Воцакина в своих воспоминаниях о нем не говорит ни слова.

Вполне возможно предполагать другое: Есенин с Клюевым во дороге в педагогический институт зашли и Горькому, который жил неподалеку от Малой Посадской улицы — в доме № 23 по Кронверскому (ныне Максима Горького) проспекту. На книге, которую Есенин тогда подарил Алексею Максимовичу, он, в частности, написал: «Максиму Горькому, писателю земли и человека...»

Занятия кружка «обычно заканчивались традиционной чайной чаепитием». На этот раз на чаепитии присутствовал Сергей Есенин. Члены кружка протягивали ему свои тетради и блокноты, и он вписывал в них строки своих стихотворений. Антонина Воцакина тоже протянула ему свою записную книжку. Немного подумав, Есенин на одной из страниц записал четверостишие, начинающиеся словами: «Холодней, чем у сколотой проруби...»

Свыше сорока лет А. М. Воцакина хранила приглашительный билет на литературный вечер и записную книжку с автографом поэта. Этот автограф был впервые опубликован только в 1957 году.

● В. СУМИН

«Я БОЛЕЮ СЕРГЕЕМ ЕСЕНИНЫМ...»

«Я болею Сергеем Есениным», — Мне паршива курносый сназал. Восхищенно, как в мае гроза, И печально с прозреньем осенним: «Я болею Сергеем Есениным».

В ФОНДАХ МУЗЕЯ С. ЕСЕНИНА

● А. СВЕТЛАЯ

● А. МАРКЕВИЧ

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Среди близких знакомых В. И. Вольпина, поэта, журналиста, близкого друга Сергея Есенина, были ташкентские старожилы Павлова. Известная актриса Академического театра им. В. В. Маяковского Ирина Владимировна Павлова, знавшая В. Вольпина с детства, подарила музею семейную реликвию — альбом «Сергей Есенин», изданный Екатериной Есениной тысячным тиражом в 1928 году.

В сопроводительном тексте к подарку И. В. Павлова записала:

«Прошу Музей С. Есенина принять от меня в дар альбом, изданный после смерти поэта его сестрой Екатериной. В нашем доме этот альбом бережно хранился 60 лет, мне подарил его мой будущий муж Антон Григорьевич Сухарев в день, когда мне исполнилось 17 лет. Еще можно увидеть следы выцветших чернил: «Ирине 9/XII-1928 Антон».

С Антоном Григорьевичем я познакомилась в доме Ю. Н. Поставского (Джуры) — одного из первых русских поэтов Ташкента. Поставские были ближайшими друзьями моих родителей, и я рада узнать, что память о Юрии Ильиче бережно хранится в есенинском музее. Нашим давним другом был и другой ташкентский поэт Валентин Иванович Вольпин, и я с детства помню его комнату, ту, в которой читал стихи Сергей Есенин. Самые добрые слова о нашем музее я слышала от своего сына, поэта Дмитрия Сухарева. Все это позволяет мне думать, что Музей Сергея Есенина в моем родном Ташкенте окажется самым

подходящим местом для нашей семейной реликвии. Ирина Павлова. 6 ноября 1933 г.»

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ СБОРНИК

В музее хранятся многочисленные издания произведений С. А. Есенина на языках народов мира. Привлекает внимание сборник стихов на монгольском языке, который привез в дар музею алмаатинский учитель-метеоролог Э. И. Монокрович, многие годы проживший в Ташкенте, из поездки в Монголию.

Во время поездки Э. И. Монокрович встретил молодого монгольского поэта и переводчика Х. Хангайсанхана (в переводе имя означает «Красота Хангая»), который окончил Одесский гидрометеорологический институт. Работая на родине метеорологом, Х. Хангайсанхан переводил для монгольского читателя стихи русских советских поэтов, преимущественно представителей «тихой лирики» — Н. Рубцова, Г. Горбовского, В. Соколова. Хорошо знал поэзию Сергея Есенина, читая его произведения на русском и родном языках. В его библиотеке хранился томик С. Есенина, изданный в 1961 году в Улан-Баторе. Книга была зачитана, вид сборника был не очень пригляден: отсутствовала обложка, не было последних страниц. В таком неприглядном виде Х. Хангайсанхан не решился передать книгу русского поэта на монгольском языке в дар музею. Тогда Э. И. Монокрович в монгольской Публичной библиотеке нашел такой же сборник в прекрасной сохранности, получил разрешение на снятие копий нужных для реставрации страниц и обложки. Обложку очень удачно перерисовал Д. Мунхбаяр, сын одного из работников метеостанции. После переплета сборник

выглядел как новый. Так благодаря монгольским и ташкентским друзьям, сохранив путешествие из Монголии в Ташкент, восстановленный сборник занял достойное место в экспозиции музея.

В. ВЫСОЦКИЙ В РОЛИ ХЛОПУШИ

От Нины Максимовны Высоцкой благодаря содействию московской собирательницы материалов о Есенине Аины Тимофеевны Антоновской (1912—1991 гг.) поступила в фонд музея магнитофонная запись рассказа Владимира Высоцкого о его работе в Театре на Таганке над спектаклем «Пугачев». В качестве иллюстраций были также получены выполненные по заказу музея фотографии сцен этого спектакля, сделанные фотографом Стерниным. На фотографиях запечатлены исполнители главных ролей в 1968 году — В. Высоцкий, А. Васильев, Б. Хмельницкий, В. Смехов, Н. Губенко и другие актеры. Значительная часть фотографий связана с образом Хлопуши, роль которого в спектакле исполнил В. Высоцкий. На снимках фотографу удалось удачно схватить и показать переменчивость настроения, нарастающий трагизм героя произведения Есенина, великолепно сыгранного В. Высоцким. В наше время эти фотографии дают возможность обжить сошедший с репертуара спектакль, хорошо памятный многим зрителям Есенина и Высоцкого. Ташкентцы видели этот спектакль в 1973 году, во время гастролей театра. Он был восстановлен Ю. Любимовым в память о приезде С. Есенина в наш город. Театральное общество Узбекистана вручило В. Высоцкому Почетную грамоту за лучшую мужскую роль — роль Хлопуши.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

МИНИАТЮРЫ НА БЕРЕСТЕ

● В. ГОЛЬДМАН

В коллекции известного латвийского книголюба и исследователя старопечатных изданий А. И. Анушкина есть миниатюрные рукописные издания, которые удивляют не только своими размерами, но и тем, что их страницы не бумажные, а берестяные, и отпечатаны они не полиграфистами, а выполнены самим исследователем.

Началось все много лет назад с изучения берестя-

ных грамот, найденных в Новгородде. Тогда же исследователь и задумал целью овладеть техникой письма на бересте.

Снятую с березовых чурок кору умелец с ювелирной точностью разделил на листы, составившие страницы томиков. Переплет сделал из верхнего, наиболее плотного слоя коры коричневой расцветки. Так родилась первая книжка-малютка «Книги — суть реки».

Долгие годы А. И. Анушкин собирает стихи, выдер-

ки из произведений писателей, посвященные одному из символов России — русской березке. В одном из миниатюрных томиков на крохотных страницах уместилось известное стихотворение Сергея Есенина: «Зеленая прическа, девическая грудь, о, тонкая береза, что заглядывалась в пруд!»

В создаваемой А. И. Анушкиным антологии о березе уже насчитывается около полусотни томов-малюток. Всего же автором задумано стотомное собрание миниатюр на бересте.

КТО ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ ДЕРЕВНИ!

● В. БЕЛКОВ

Ярким, цветущим полднем вышел в поле Сергей Есенин. Красивый, ловкий, с острой косой в руках. Косил, «мял цветы, валаясь на траве...» Доделал ту работу, которая была начата в XIX веке.

Когда пришел в мир Николай Рубцов, поле русской поэзии было выкошено, все цветущее, дневное, человеческое было воспринято и воспето. Рубцов попытался

было «выбежать из мрака», на это был не его путь и не его слова.

Ему достались сумерки, последние блики русской зарницы, полутона, ночь, предутрие, мерцание. Его предшественники прославили все земное. Тогда Рубцов пошел в глубину и в подибебье. «Высокий дуб, глубокая вода...» Он увидел звезду и мрак подземелья. Рубцову досталось еще много таинственного, божественного. И он успел как раз вовремя, ибо «мир таинственный» и

древний, назалось, навсегда уходил — вместе с деревом и деревней. «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы...» Вариант у поэта: «Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...»

Есенин ошибался, когда писал, что он «последний поэт деревни». Последний гетальный поэт — Рубцов. Хотя в городской поэзии еще и теперь возможен неожиданный и прощальный взлет.

(«Вологодская молодежь», № 3, 17 января 1992 г.)

ЕСЕНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

● Л. КАРОХИН
(г. Санкт-Петербург)

Не унесу я радости земной
И золотых снопов зари
Почувствовать оставшихся
Мне не дано по-детски
И расцелесаться
И разрыдаться в час
Но только б стать
Родным земной листве, —
Как прежде, видеть
Эти пронзительные строки
Известному русскому поэту
Василию Федоровичу Наседкину (1895—1938), одному из ближайших друзей Сергея Есенина.

Родился Есенин, В. Ф. Наседкин родился 13 января 1895 года в Башкирии в бедной крестьянской семье. Босоногое детство провел с башкирскими ребятишками и, вероятно, поэтому свободно говорил по-башкирски. Окончил приходскую школу, что, по мнению отца, было недостаточно. Но Василий считал иначе. Он ушел из дома, поступил в Стерлитамакскую учительскую семинарию и, живя впроголодь, успешно ее окончил.

Но и этого ему показалось мало. В 1913 году Василий едет в Москву и поступает на физико-математический факультет прославленного университета. Чтобы как-то сводить концы с концами, пришлось подрабатывать репетиторством.

По не выясненным до конца обстоятельствам В. Наседкин уходит из Московского университета и становится слушателем Московского пародного университета имени А. Л. Шанявского. В то время это был один из лучших вузов Российской империи. Здесь преподавали известные ученые — профессор П. Н. Сакулин (последствие академик), А. Грузинский, Ю. Айхенвальд и другие.

В университете В. Наседкин знакомится с Сергеем Есениным, слушателем историко-философского отделения. Об этом рассказал в своих воспоминаниях однокурсник Наседкина Б. А. Сорокин:

«В северике я жду Васю Наседкина, чтобы пойти в большую аудиторию на лекцию профессора Айхенвальда. С Васей мы живем в комнате неказистого домика в одном из переулков около Мусской площади. Он приехал из Башкирии. Пишет стихи...»

— А, вот ты где! — подходя, еще издали говорит Наседкин. С ним стройный, в сером лилаке паренек. — Познакомься, это Сергей Есенин, наш шнырявец, первокурсник. Пишет стихи. Из Рязани».

Сергей Есенин уже в то время высоко оценил творчество Наседкина. По словам Сорокина, прослушав новые стихи Василия, Есенин сказал: «Хорошо, Василий. Твои стихи близки мне. Но у тебя степи, а у меня приокский край, меццеская глухомань, березы и рябины. У вас в Башкирии и ветел-то, должно, нет? А у нас без ветел не обходится ни одно село...»

В 1918—1920 годах Василий Наседкин служит в Красной Армии, участвует в боях с басмачами в Туркестане. Вот что он пишет о своем знакомстве с Востоком:

Травы реже,
Дымлились барханы
Поезд громко кому-то
И шинели несли, будто
Уползал с крыльца
В Средней Азии Наседкин пробыл три года. К сожалению, сведения о его жизни в это время крайне скудны. Свои впечатления о Туркестане он выразил в цикле стихотворений среднеазиатской тематики: «Перед бурей», «Аркаеш», «Кружит пьяно моя голова...», «На верблюдах», «Сюзане», «За глиняным дувалом» и другие. Наседкин побывал в Ташкенте, Самарканде, других городах, по мере возможности знакомился с историческими древними памятниками. Несмотря на сложное время, опасности, которые его постоянно подстерегали, Василий Наседкин в своих стихотворениях не жалуется на трудности, а восторженно делится своими впечатлениями от этих экзотических мест. В стихотворении «Самарканд» читаем:

Нежнейший ветер —
горное дыханье,
В траве весенней звон
Я на валу...
Поэт в душе, безавшей
Рuinные холмы —
Стою один, Заворожен
По от сиреневой завесы
Мой взор Биби-Ханым и
В другом стихотворении среднеазиатского цикла Василий Наседкин вспоминает Бактрию, древнюю область,

редактирует журнал «Город и деревня». В конце лета 1924 года в редакции журнала «Красная новь» Наседкин снова встречается с С. Есениным. Их сближают общие литературные интересы. В своих произведениях они воспевают любовь к родной природе. У них один и тот же интерес к прошлому, настоящему и будущему русской деревни.

Василий Наседкин был одним из тех, кто при жизни С. Есенина понял его истинное значение как великого поэта современности. Он всегда поддерживал своего друга, и Есенин высоко ценил это. «За все встречи с Есениным с сентября 1923 года (шапочно с ним знаком с зимы 1914—1915 года по университету Шанявского), — вспоминал В. Наседкин, — он всегда обходил меня своими выпадами... Иногда он словно нарочно поощрял мою независимость, позволяя мне без скандалов говорить ему довольно горькие истины, чему нередко я удивлялся сам, приписывая такую незлобность некоторым побочным обстоятельствам...»

расположенную на северных склонах Гиндукуша.

В своих воспоминаниях «Последний год Есенина» Наседкин упоминает, что летом 1925 года он вместе с поэтами ходил обедать в «одну азиатскую столовую на Трубиной площади в Москве». Это посещение, по-видимому, было данью памяти пребывания Есенина и Наседкина в Туркестане.

Из Средней Азии в Москву В. Наседкин вернулся в 1923 году после демобилизации из армии. Поступает в Литературный институт, директором которого был Валерий Брюсов. Одновременно с учебой Наседкин

ВАСИЛИЙ НАСЕДКИН
ДРУГ ПОЭТА

ходит за него замуж. Узнав о трагической смерти С. Есенина, Василий Наседкин выехал в Ленинград вместе с С. А. Толстой-Есениной и участвовал в траурной церемонии прощания ленинградцев с поэтом. «Смерть Есенина была тяжелой утратой для Наседкина, — вспоминала Екатерина Александровна Есенина. — Он всегда верил, что поэзия Есенина будет жить долго. Он тщательно собирает материалы к биографии Есенина, пишет воспоминания о нем. Собранные им материалы, письма Есенина к Панфилову, ранние стихи, все документы о его образовании и написанные им лично материалы в настоящее время служат основным источником к биографии Есенина».

Творческое наследие В. Ф. Наседкина невелико. Это вышедшее в 1927 году две книги: сборник стихотворений «Теплый говор», воспоминания «Последний год Есенина» и еще два небольших сборника: «Ветер с поля» (1931 г.) и «Стихи» (1933 г.). Стихи В. Ф. Наседкина публиковались во многих периодических изданиях 20—30-х годов. Через несколько месяцев после гибели С. Есенина Наседкин написал стихотворение «Журавли»:

Я не слышал роднее
С детских лет, когда
На заре степной,
Пролетали журавли.
Помню, верил: в криках
Есть понятные слова.
И следил, пока густая
Их не скроет синева.
Нынче стаи реже, глуше.

До самого последнего дня пребывания Сергея Есенина в Москве В. Ф. Наседкин был рядом с ним. Вот что вспоминает Александра Александровна Есенина: «Чаще других знакомых к нам заходил Наседкин и коротал с нами вечера... К нему хорошо относился Сергей, и Наседкин у нас был своим человеком...» Василий Федорович присутствовал 18 сентября 1925 года при регистрации брака С. Есенина с Софьей Андреевной Толстой.

С. Есенин был доволен, когда узнал, что его старшая сестра Екатерина полюбила В. Наседкина и вы-

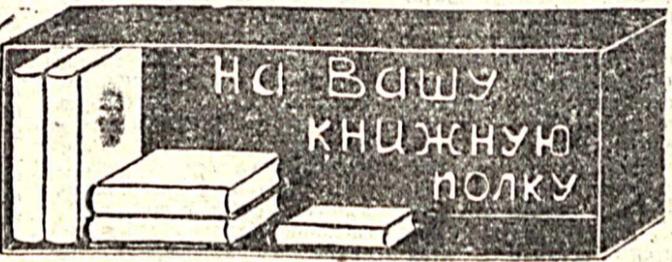
Или жизнь пошла ровней,
Но по смерти готов я
Эти песни журавлей,
Вот вчера, в час вечерней
Вдруг на небе, как
И от них такое неенье...
Будто вновь Сергей
Мне читал свои стихи.

Многие стихотворения Василия Наседкина малоизвестны читателю, а некоторые работы давно ждут переиздания. Конца жизни Василия Федоровича Наседкина было трагичным. Он не принимал участия других «крестьянских поэтов» — друзей и соратников Сергея Есенина: Алексея Ганина, Сергея Ильичева, Николая Илюева, Петра Орешкина. Но стандартному обвинению — «враг народа» В. Ф. Наседкин был расстрелян 15 марта 1938 года.

Идет своего переиздания и книга воспоминаний В. Ф. Наседкина «Последний год Есенина», опубликованная в Москве в 1927 году в издательстве «Никитинские субботники». Книга была издана тиражом всего лишь 3 тысячи экземпляров и ныне является библиографической редкостью. Лишь через 38 лет эти воспоминания были переизданы, но в измененном, урезанном виде. Да иначе, наверно, и не могло быть. В книге фигурирует имя Троцкого, о котором в то время нельзя было даже упомянуть. Воспоминания Василия Наседкина переписала запово, значительно их сократив, Е. А. Есенина для сборника «Воспоминания о Сергее Есенине», который вышел в Москве в 1965 году. И в дальнейших публикациях — во втором издании «Воспоминаний о Сергее Есенине» (1975 г.) и в сборнике «С. А. Есенин в воспоминаниях современников» (1986 г.) — опубликован текст, подготовленный Е. А. Есениной в сокращенном виде.

Наиболее полное переиздание воспоминаний В. Ф. Наседкина опубликовано в книге «Ветер с поля» (Стихи. Воспоминания о Есенине. Башкирское книжное издательство, Уфа, 1978 г.). Однако сравнение этого текста воспоминаний с подлинником показало, что и здесь много пропусков, искажений и даже дополнений (?!). И это сделано, несмотря на заверение составителя книги М. А. Чванова (в примечаниях), что текст перепечатан полностью с книги издания 1927 года.

Книгу В. Ф. Наседкина «Последний год Есенина» надо обязательно переиздать без всяких искажений. В ней отражены фактически дневниковые записи Наседкина, рисующие С. Есенина правдиво, без всяких прикрас, — таким, каким он был при жизни.

ТРАГЕДИЯ И ПОЛИТИКА

● Н. КОНОБЕЕВ
«Жертва вечерняя» — так называется очерк-исследование драматурга Алексея Яковлева, опубликованный во втором выпуске нового журнала «Криминал». Автор обращается к событиям 66-летней давности, рассматривает различные версии гибели Сергея Есенина, увязывая трагедию

в гостинице «Англетер» с политическими событиями того времени. А. Яковлев использует в своей работе большое количество документального материала, под новым углом зрения анализирует некоторые произведения поэта. Не делая каких-либо определенных выводов, автор призывает самих читателей поразмыслить о тайне смерти Есенина. И тем не менее «многие современные понятия, что произошло. И ужаснулись...»

ИХ ЛЮБИЛ ЕСЕНИН

● А. ЗАГОРОДНОВ
Издательство «Московский рабочий» выпустило в свет книгу М. Аргамонова «Ваганьково» (серия «Московский некрополь»). Обложку книги украшает фотография памятника Сергею Есенину, установленного на могиле поэта. Целый раздел — «Их любил Есенин» — посвящен родным и близким поэта, похороненным, как и он сам, на Ваганьковском кладбище, на Есенинской аллее. Это мать поэта Татьяна Федоровна, Г. Бенциславская, П. Чагин, Р. Пивев, З. Райх, Л. Кашина, А. Миклашевская и другие. В кратких биографических справках рассказывается о взаимоотношениях этих людей с поэтом, приводятся строки есенинских стихов.

● В. ГОРШКОВ

В Санкт-Петербурге сохранилось немало памятных мест, связанных с именем Сергея Есенина. Именно здесь начался расцвет поэтического гения и стремительный путь к славе. Здесь же в 1925 году трагически оборвалась его жизнь.

1992 год для есенинских любителей города отмечен незабываемым, но весьма значительным событием. Одной из лучших во Фрунзенском районе библиотек, расположенной по адресу: Лиговский проспект, 215, присвоено имя Есенина. В течение нескольких лет коллектив этого книгохранилища буквально бился за право носить столь дорогое для россиян имя. Собирали все известные и малоизвестные материалы о жизни и творчестве поэта. Создал с помо-

БИБЛИОТЕКА В ГОРОДЕ НА НЕБЕ

щью энтузиастов свою есенинскую комнату. И вот — долгожданное известие о том, что библиотекари все-таки своего добились... Состоялся праздничный литературный вечер, в котором приняли участие сотрудники библиотеки имени Сергея Есенина, члены Санкт-Петербургского есенинского комитета, ученые, литературоведы. Прозвучали романсы из цикла о Есенине «Словесный» композитора Б. Грабовского в исполнении лауреата международного конкурса Н. Васильева, читались стихи С. Есенина.

● Л. ПЯТАК

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Ничего нет страшнее хулы
И распятой, поруганной
Беры...
Все поэты боятся молвы,
Как боятся чумы и холеры,
Да, Есенин оывало, и пил,
И гулял в кабаках
до рассвета,
Но никто так, как он,
не любил —
Истрадалась душа у поэта,
Да, он был лишь талантом
богат,
Хоть его «хулиганом»
честили,
Был он любящий сын,
нежный брат,
И его все родные любили,
Но хулители быстро
нашлись —
Всередине был кликуша
Крученых,
Черным словом
отравлена жизнь...
Вот он прирак, пугающее
черный...
Зря поэт руку тем подавал,
Зря считал тех друзьями
своими,
Кто в него озлобленно плевал
И запатывал в грязь
его имя,
Мы должны его имя поднять
И отмыть от хулы
и от грязи.
У России его не отнять —
С ней навеки
он верою связан.

● В. ХОРОХОРИН СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Мне ли не понять тебя,
Есенин?
Ты, к которому я так тпнусь,
Был на ветер похож осенний,
Что как листья швыряет
грусть...
Ты и там ведь грустишь,
наверно,
Повторяя не раз слова:
«Эх, сейчас бы спутиться
на землю,
Морду лошади б расцеловал!
Побродить бы по травам
росным
Не известным поэтом, нет!
Бесшабашным и несерьезным
Пареньком в восемнадцать
лет...»
Буду братом твоим по крови,
Но Россия уже не та...
И слезится тоска коровья
Не в ее, а в моих глазах,
Но как прежде в твоей
Рязани
Тополиный струится пух
И все так же с рассветом
ранним
Во все горло обрет петух.

● Н. КРАСИЛЬНИКОВ

Книжный киоск, иссеченный дождями и
прокаленный знойным солнцем, стоял сбо-
ку у арки, что вела на базар. К стопкам
свежих лепешек, горкам орехов и миндаля,
разной всячине...

Большинство людей равнодушно прохо-
дили мимо киоска. Спешили туда, к рядам,
в которых призывно манили покупателей
сочные помидоры, инжир, виноград, перси-
ки, еще помпашные свежесть огородов и са-
дов.

Некоторые останавливались у киоска. С
интересом рассматривали кожаные кореш-
ки, листали, самое интересное покупали.

Продавец, пожилой узбек с тяжелыми,
всегда опущенными веками, казалось, посто-
янно дремал. Однако, угадав каким-то об-
разом настоящего книголюбца, преобразил-
ся, даже будто молодец: «Вам эта книга?

Книга с нарисованной березкой

Хотел, джши роман... Мне и потом доводи-
лось встречать людей малообразованных,
которые неведомым до сих пор «шестым
чувством» абсолютно верно ориентирова-
лись в таком тонком деле. Попадались и
дипломированные, чьи вкусы огорчали ди-
костью...

Впрочем, я не об этом.
Сначала продавец подозрительно погля-
дывал на белокрытого незнакомого пацана.
А однажды прогнал:

— Э, чего тебе, бола? Сам не берешь,
другим мешаешь — шалтай-болтай не па-
до... Иди, иди гуляй!

На следующий день я все же купил в
киоске книгу. В обложке песочного цвета,
и называлась она «Всадник без головы». С
верху значилось кратко и красиво — Майн
Рид.

Продавец, очевидно, одобрил мой выбор,
потому что стал относиться ко мне благо-
душно. Я вроде стал своим... Он уже, как
взрослому, предлагал посмотреть новинки.

Среди недели меня послали на базар за
картошкой.

Ну как пройти мимо киоска? Я уже
пристрастился к регулярному чтению, а ки-
оск с новинками разжигал эту страсть.

В глаза бросился небольшой томик. Зе-
леноватый переплет. На нем изображено
нежное, белокорое, с черными подпалинами
дерево в мелко трепетной кудрявой листве.
Раскрыл наугад страничку:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.

Со спомом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

Никогда я раньше не любил стихов.
Учить стихи наизусть считал великим му-
чением.

Но тут...

Что такое? Нечаянное чувство светлой
и тревожной волной прошло по сердцу. Что-
то перевернулось внутри меня, и вокруг все
стало иным.

Я глянул на цену книги, пошарил по кар-
манам. Не хватило какой-то мелочи, соро-
ка копеек, Эх! И положил на место томик
и ринулся домой.

В трамвае какая-то девушка, сероглазая,
с развевающей челкой, стрельнула взгля-
дом в мою сторону и отвернулась к откры-
тому окну.

И, должно быть, выглядел нелепо.

...Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.

Стихи сами по себе жили во мне особой
музыкой.

Мама дала мне еще две рублевые бу-
мажки. Даже не спросила, на что. Впрочем,
наверное, она догадывалась о новой моей
страсти...

— А где, где книга в зеленой обложке?
— спросил я продавца, запыхавшись. —
Она тут лежала.

Продавец удивленно вскинул веки.
— Ишь, ее купил один йигит. Смешной
такой. Высокий. В очках. Сказал: «Панаш-
ка, откуда такой книга?»

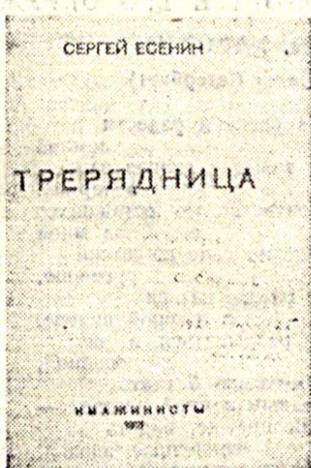
— А еще есть?

— Последний был. Зачем не предупре-
дил, я бы спрятал. Йигит сказал: «Замеча-
тельный шопир. Жаль, мал-мал жил. Давно
его книга не выходил». Такой смешной
йигит, совсем грустный.

Я брел домой без книги и картошки, за-
быв, зачем приходил на рынок. А настрое-
ние все равно было светлое, но чуточку пе-
чальное. «Сергей Есенин», — повторял я
новое и навсегда родное теперь имя.

Передо мной приоткрылась какал-то тай-
на. Но как ее разгадать, я еще не знал.

ОНИ ВСТРЕЧАЛИСЬ С ЕСЕНИНЫМ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ТРЕРЯДНИЦА

ИМАЖИНИЗМ

● А. МАРКЕВИЧ

Кажется, что это было совсем
недавно. Вспоминается
суховатая, легкая, чуть суту-
лящаяся фигурка Маргариты
Петровны, которая быстро,
но без суеты, движется сре-
ди множества предметов в
тесноватой типовой кварти-
ре, расположенной в одном
из центральных кварталов
вновь застроенного после
землетрясения Ташкента. Ко-
гда-то на месте этих одно-
образных панельных домов
был уютный Обуховский
свер. Именно по нему про-
гуливались в мае 1921 года
Сергей Есенин и Александр
Ширяевец, направляясь на
поэтический вечер в Турк-
естанской публичной библи-
отеке, устроенном по слу-
чаю приезда московского го-
стя. Среди многочисленных
поклонников поэзии, собрав-
шихся у входа в библиоте-
ку, была и Маргарита Пет-
ровна. Она не только хоро-
шо знала поэзию Сергея Есе-
нина, но и была слышана
от своего жениха — А. В.
Ширяевца — о многих со-
бытиях из биографии поэта.

Мелкие морщинки про-
долговатого русского лица
и не до конца поседевшие
волосы, затянутые в узелок
на затылке, не мешают опу-
щенному исходящей от
нее удивительно молодой
энергии, Маргарита Пет-
ровна живо отторгает любую
попытку помочь ей. Все са-
мал Увлекающий ее рас-
каз о прошлых годах пере-
сыпается колким веселым

словцом. Озор-
и каким-то бы-
дом она как в
вашу реакцию
ею.

Об Алексан-
и его грубоват-
на которые с
жизнь горазд,
часто цитируя
стихов.

— Романс «
багряно-прямые
Это ведь Шир-
поминает Мар-
ровна, смеясь
жесту.

Встреча с С-
ниным памяти-
живым желани-
кой коснуться
он был хорош-
лод! А стихи-
стоящий рядо-
ревниво толкал
невесту: не вли-
бис! Коротко у
гарита Петров-
ет вспомнить.
мнаний подде-
казом распо-
столе фотогра-
сей, писем, пр-
альб. мов. И, п-
речке, скачет
плескиваясь бр-
Но вот устала,
ки замерли на
ки, касавшиеся
вишне тепло ш-
копожатия. Ру-
ше почти все-
ры, Александри-
ча... Молча пы-
дышка недога-
ласково погляд-
дима Николаю-
то время обще-
зая Есенина в
кликает: «Как
как похож на
Это скорее сх-
та, а не внешне
говорит она, а
верить.

А на красной
сундуке под ок-
отложное дла-
гательство: журна-
ционной поры
Советской влас-
стих Ширяев-
ны рядом с М-
Блока, Есенина
тов. Вот альбо-
сандр Ширяев-
включал вырез-
налов и газет
стихи. Здесь же
шей от времени
пись книги Ш-
менно-железное

(Продолжение.
Начало в № 3, 4, 5 «Мира
Есенина» за 1992 г.)
● С. ЗИНЧИН

21 МАЯ 1921 ГОДА.

В споре с поэтом А. Ши-
ряевцем об имажинизме и его
роли в литературном процес-
се С. Есенин ссылаясь на
только что опубликованную в
журнале «Знамя» (№ 9 за
1921 г.) свою статью «Быт
и искусство» (отрывок из
книги «Словесные орнамен-
ты»), в которой он принци-
пально противопоставлял по-
эзию новой образности в по-
эзии-тому «шутовскому крив-
лянию ради самого кривля-
ния», которое было характер-
но для некоторых его друзей-
имажинистов. С. Есенин не во-
зражал против приводимых А.
Ширяевцем слов в конце руко-
писи «Каменно-железное Чу-
дница» по поводу имитиро-
вательства в поэзии: «Новые сло-
ва нужны, но они должны
быть свежи и румяны, как
наливное яблочко, а такие
под лапой каменно-железного
Чудница не сыскать — в де-
ревенские сады надо идти за
ними. А что старые слова еще
не все же устарели, видно
по стихам Бунина, Анны
Ахматовой и Марины Цве-
таевой — не вредно значит,
и старые слова пересмот-
реть... Итак, ясно, К Земле!
К народу! К Пушкину!» (Ар-
хив Музея С. Есенина). А.
Ширяевец призывал С. Есе-
нина: «Вернись! Не пора ли
припасть опять на траву, а?
Пророк-то ведь не из кафе
выходит... Вернись!»

Чтобы как-то успокоить
своего ташкентского друга, С.
Есенин на подаренной в этот
день книге стихов «Исповедь
хулигана» (изд. «Имажини-
зм», М., 1921 г.) написал:
«Александру Васильевичу
Ширяевцу — с любовью и
расположением С. Есенин, Я

никогда не любил Интежа и
не боялся его. Нет его и не
было, так же как и тебя, и
Клюева. Жив только русский
ум. Его и люблю, его кормлю
в себе. Поэтому ничто мне
не страшно. И не город меня
не съест, а я его проглочу
(по поводу некоторых заме-
чаний о моей гибели) («Кра-
сная новь», 1926, № 2, с.
205).

В альбом А. В. Ширяев-
ца была сделана запись С.
Есениным монолога Е. Пуга-
чева из только что закончен-
ной поэмы «Пугачев». Текст
был подобран с явным стре-
млением выразить и свою
собственную точку зрения на
смысл жизни:

«Знаешь, ведь я
из простого рода
И сердцем такой же
стенной дикарь!
Я умею, на сутки и версты
не трогаюсь,
Слушать бег ветра
и твари шаг,
Оттого что в груди у меня,
как в берлоге,
Ворочается зверенышем
теплым душа,
Мне нравится запах
травы, холодом подожженной,
И сентябрьского листотела
протяжный свист,
Знаешь ли ты,
что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся
в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он,
дурашливый, знать
И прозвание свое, и имя.
Я значенье
свое разгадал»,
С. Есенин,
Азия, 1921, 21 мая».

Полемика С. Есенина с А.
Ширяевцем затрагивала не
только узкий круг проблем
вокруг имажинизма. Многие
проблемы. Были уточне-
ны принципиальные позиции

в оценке некоторых друзей,
литературных течений. Бес-
спорно, что А. Ширяевец по-
степенно убеждался в разли-
чии между доносившимися в
Ташкент слухами о Есенине
и реальными его взглядами.
Дружба и взаимопонимание
между ними крепил.

ДО 24 МАЯ 1921 ГОДА.

С. Есенин познакомился с
ташкентским художником
Александром Николаевичем
Волковым (1886—1957 гг.),
бывал у него на квартире по
улице Садовой, познакомился с
картинами художника, спор-
ил о поэзии, роли искус-
ства. А. Н. Волков жил в Таш-
кенте с 1916 года, куда он
приехал после окончания Пе-
тербургской Академии худо-
жеств (1903—1910 гг.) и Ки-
евского художественного учи-
лища (1912—1916 гг.). Пре-
подавал в Ташкентском худо-
жественном училище, был
одним из организаторов пер-
вой художественной школы в
Ташкенте. С. Есенин помог
организовать персональную
выставку картин А. Н. Вол-
кова в Москве, возвратившись
из Ташкента.

«Александр Ширяевец
привел однажды Есенина на
квартиру художника Алек-
сандра Николаевича Волко-
ва на Садовой (ныне Совет-
ской) улице. Осмотрев его
картины, Есенин лукаво
улыбнулся:
— Имажинист. Принима-
ем в «свои». — Он подмиг-
нул насупившемуся Ширя-
евцу. — Шершеневич, Мар-
шенгоф и художник Якулов
против не будут.

Волков в то время много
экспериментировал в русле
новых живописных течений,
но реплика поэта прозвучала,
конечно, как ирония над
лидерами «имажинизма», ко-
торые пытались занести в твор-
ство актив каждого, в твор-
чество которого замечался ст-

ВОСТОК ВСЕГДА

О ПРЕБЫВАНИИ СЕРГЕЯ

ход от традиций.

«Часа три сидели мы все
вот так на полу, — читаем
мы в посмертной рукописи
Волкова А. Н. — Вдруг Есе-
нин первню вскопчил, присло-
нился к стене и стал читать
прекрасным звонким голо-
сом. После этого пошли с
ним в старый город...» (Г.
Димов, Есенин в Ташкенте.
— «Правда Востока», 3 ок-
тября 1965 г.). «Да, — про-
должал Волков, — что-то бы-
ло в нем странное. В 1921
году приехал в Ташкент, не-
ожиданно... Я тогда писал
картину «Свидание». Углы
глаз и дуги бровей, круг
солнца... Есенину нравилось.
Он всегда неожиданно уходил
и неожиданно возвращался...
Что-то в нем было такое!
«Суровые, грозные годы! Да
разве всего описать?» Как
мне дорога эта неправиль-
ность — «да разве всего опи-
сать». Вернее сказать: мне
нравится истинность этой
строки... Не знаю, почему он
тогда приехал в Ташкент.
Впрочем, тогда многие сюда
приезжали. Но он чувствовал,
что здесь что-то важное дол-
жно совершиться для Рос-
сии. Настоящие поэты не вы-
бирают случайных дорог...»
(«Литературная Россия»,
1981 г., 11 сентября, с. 17).

С. Есенин продолжал зна-
комиться с Ташкентом. «Ча-
ще всего ехали на Шейх-
таур — там была отличная
чайхана недалеко от мечети
и мавзолей Ширдор, — вспо-
минал художник Ф. В. Лихо-
летов. — Усаживались на
помост» — Есенину никак

не удавалось сесть по-восточ-
ному, скрестив ноги, и он
спускал их вниз, по-мальчи-
шески болтал блестящими,
всегда свежесмытыми,
коричневыми туфлями, кото-
рые он протирал тряпочкой;
он был, что называется,
франтом. Несмотря на жару,
он почти всегда был в ко-
стюме и галстук, а сорочка
у него с собой было — не
счесть. Стирала и гладила их
какая-либо из поклонниц по-
эта, которые в нашей ком-
пании изредка бывали. Ино-
гда это делала мать Ширя-
евца, Мария Ермолаевна, но
ее Есенин не хотел затруд-
нять, стеснялся. Что меня
поразило — пил Есенин в
Ташкенте мало. Разговор
о его разгулах московских я
наслышался, а когда встре-
тился, счел все это врань-
ем: Сергей Александрович
вел себя очень сдержанно и
спокойно, утром к вину не
прикасался, а вечерами у
Ширяевца или даже в «Ре-
гине» никогда границ не пе-
реходил» (Тартаковский П.
«Свет черной шафранной
края». Т., 1981, с. 75—76).

В Ташкенте С. Есенин по-
знакомился с Раскольниковым
Федором Федоровичем
(1892—1939 гг.), который в
1921 году был направлен на
дипломатическую работу в
Афганистан. «Я познакомил-
ся с Есениным в мае 1921
года в Ташкенте, на Базар-
ной площади, в знойный, сол-
нечный день, — вспоминал
Ф. Раскольников. — Присло-
нился к выделенной известной
глинобитной стене, Есенин в

сером костюме
хаг» и с огром-
ным ед дымящи-
бараньей, запи-
чаем из широкой
ка, шпаль. В его
ла безоблачная
ного ташкентско-
робаясь, он при-
ливостью благо-
мальчика, очен-
удыбнулся и с ви-
спросил об Аф-
да я ехал. Мне
исные, голубые
глаза Есенина,
спелая солома, в
мная сдержанно
проявлением жи-
«Поиск», № 50,
кабря 1990 г.)
полагать, что я
запомнил С. Е.
Афганистане, хо-
сем точно, но с
позиции, поэт с
хотворении, да-
ле поэзии в Тур-
Видно, видел

Сон другой
и две
Золотые песни
И стеклянную

С. Есенин про-
шой интерес
культуре, хот-
ния языка, отсут-
ных связей с уз-
тераторами т-
такты носили с-
растер. «Есенин
встретиться с
током», с его
куством, поэзи-
минала Е. Г. М

ной улыбкой
стрым, взгля-
бы проверяет
на сказанное

дре Ширяевце
тых проказах,
он был по-му-
сна говорит,
а строчки его

«Гвоздики алые,
е...» знаете?
ривец, — на-
аргарита Пет-
нашему ве-

Сергеем Есе-
на ей не удержи-
нем «хоть ру-
и до него». Так
и, красив, мо-
то казие! Но до
ал Ширяевец
дом локтем в бок
любись, не влю-
) хохотув, Мар-
вля, продолжа-
ь. Поток воспо-
держивается по-
ложенных на
рафий, рукопи-
редметов, книг,
подобно горь-
г разговор, рас-
брызгами смеха,
та, присела. Ру-
на коленях. Ру-
ся Есенина, зна-
шьяевского ру-
Рули, переписав-
все стихи Шу-
дра Васильевы-
пьем чай. Пере-
гдай, Весело и
тядвая на Ва-
юка, директора в
щественного Му-
в Ташкенте, вос-
так похож! Ну
на Ширяевца! —
сходство возра-
ешности Но так
а мы готовы по-
ешке шкафа и на
оком ждет нас
для музея бор-
оряды дореволю-
оры и первых лет
ласти, в которых
рвца напечатан-
произведениями
нина, других поэ-
бьом, куда Алек-
евец тщательно
резанные из жур-
вет полюбовивше-
я же в пожелтев-
мени папке руко-
Ширяевца «Ка-
зное Чудище». Ря-

МАРГАРИТА ПЕТРОВНА НОВИКОВА (КОСТЕЛОВА)

дом рукописный сборник сти-
хов «Туркестанские моти-
вы» и мини-книжечка «Але-
нушка», которую сделал
Александр Ширяевец в подар-
ок Маргоше. А вот и са-
мое трепетное для нас —
два сборника прижизненных
изданий Есенина с его авто-
графами. На «Треряднице»
рукой С. Есенина написано:
«Маргоше, С. Есенин, 1921,
май, 25, Ташкент». Написан
на «Исповеди хулигана» —
«Маргоше, С. Есенин, 1921,
25 май, Ташкент». И мы слу-
шаем рассказ о чудесном
поэтическом вечере в пуб-
личной библиотеке, о востор-
женной встрече поэта, о том,
как она после вечера стала
обладательницей книг Есени-
на благодаря помощи Алек-
сандра Ширяевца, так — как
сама не решалась непосред-
ственно обратиться к гостю
за автографом. Тогда это бы-
ло не очень модно. Дорогие
для нас и для нас книги
она дает для выставки в
Музее Есенина. Дарить или
не дарить музею эту релик-
вию — будет решать дочь,
«когда меня не станет». Буд-
дем ждать, не теряя надеж-
ды.

В Маргарите Петровне
щедры и многогранно проя-
вились время и природа. Жи-
вотные работы ее мужа,
М. Е. Новикова, хорошо из-
вестны, они имеются в фон-
дах среднеазиатских музеев.
Много полотен хранится в
домашней коллекции. В од-
ной из комнат среди картин
мужа выделяется вышитое
панно по мотивам русских
сказок. Это работа Маргариты
Петровны. На балконе ее
же работа — скульптурный
портрет Шота Руставели. То-
нированный гипс. Опять вспо-
минает юность.

С 1918 по 1930 годы Мар-
гарита Петровна работала в
библиотеке, которая была
своеобразным культурным
центром ташкентской интел-

лигенции. Коллектив би-
блиотеки возглавлял удиви-
тельный человек Н. Н. Ку-
линский. В Туркестанской
публичной библиотеке при
нем часто проводились лите-
ратурные, театральные и му-
зыкальные вечера, работала
поэтическая студия для мо-
лодежи. Маргарита Петров-
на — неперемная участни-
ца. У нее прекрасный голос,
контральто.

— В театр приглашали,
не пошла! — вспоминает она.
— В художественной студии
у А. Н. Волкова и других из-
вестных тогда ташкентских
художников занималась.

Показывает фотографию
двадцатых годов, где она в
блузе с матросским воротни-
ком стоит в центре большой
группы. А слева, опершись
на столик, сидит Волков...
Нас интересует все о Есе-
нине и Ширяевце. Ведь Мар-
гоша была известной Алек-
сандра Васильевича. Не все,
вероятно, восстанавливается
в памяти. Возможно, что был
какой-то ничтожный повод
для разрыва. В одном из пи-
сем А. Ширяевца, которые
сохранила Маргарита Пет-
ровна, проскальзывают мо-
тивы расставания: «Вот мы
вышли и когда, шагнув не-
сколько шагов, Вы остано-
вились у перил, я подумал:
«Что-то не то». Мне приш-
лось начать официальный
разговор и немедленно вы-
яснилось, что Вы «заплыли»!
Я знал прекрасно: под Но-
вый год занятый у Вас ника-
ких не будет, сопоставил все
это, и все примирительные
слова застряли в глотке. Не-
смотря на это, вечером хотел
идти к Вам, по душе пере-
говорить, все уладить, но
решил — я лишний, не по-
шел».

Вскоре А. Ширяевец по-
настоянию С. Есенина пере-
езжает в Москву. Перед отъ-
ездом была восстановлена до-
верительность. Только этим
можно объяснить, что А. Ши-

ряевец оставил на хранение
Маргарите Петровне свой
архив, забрав в Москву толь-
ко самые необходимые руко-
писи. Тосковал по Ташкен-
ту, думал о встрече с Мар-
гошей. В том же письме он
изливает душу: «Итак, я —
на Волге, снова там, куда
всегда неслись мои мысли.
Нижний, Казань, Симбирск,
Самара, Ширяев, Жигули,
Саратов — согласитесь с
тем, что панорама не так
плоха, но вот, увидев все это
назаву, я почувствовал — не
хватает Вас и «вытравлен-
ность» полетела к чертям.
Прежнее вспыхнуло с новой
силой. Вернувшись, я хотел
ехать в Ташкент, увидеть ли-
чно Вас, — письма не мо-
гли передать всего, что кипело
во мне, но пришлось вести
переговоры по изданию моей
книжки, ждать, когда она бу-
дет». До Ташкента не доб-
рался. Звал Маргошу в Мо-
скву, обещал помощь, пред-
лагал «отдыхаться свежим
воздухом», побывав в храмах
искусства. «Я видел и рань-
ше, — писал А. Ширяевец,
— бросаюсь от глины к крас-
кам. Вы только портили се-
бя. Разве можно учиться у
людей, которые сами очень
и очень нуждаются в более
опытной руке? Это не только
бесполезно, но и пагубно. В
таких условиях можно прото-
ложиться не 3, а 33 года на
одном и том же месте. Здесь,
через С. Городецкого и дру-
гих моих хороших знакомых,
можно было бы сделать для
Вас многое (Городецкий зна-
ет толк в этом деле, сам
недавно рисует, а самое глав-
ное — у него громадное
знакомство со всеми, кто так
или иначе связан с искус-
ством)». Но... через неко-
торое время в Ташкент при-
шло известие о смерти А.
Ширяевца. Маргарита Пет-
ровна сделала все, чтобы со-
хранить архив поэта, даже то-
гда, когда интерес к кресты-
янской поэзии был незаслу-

женно на многие годы при-
давлен и, казалось, что уже
нет места в истории русской
поэзии талантливым друзьям
Есенина. И в годы таш-
кентского землетрясения, ко-
гда при переездах приходи-
лось освобождаться от мно-
гих старых вещей, архив
А. В. Ширяевца бережно со-
хранялся. Эти бесценные ис-
торико-литературные свиде-
тельства позволили П. П.
Тартаковскому написать и
издать книгу «Свет вечерний
шафранного края» — о пребы-
вании Сергея Есенина в Тур-
кестане. Часть материалов

была подарена Маргаритой
Петровной и ее дочерью
Марией Максимовной Но-
виковой для экспозиции и
фондов Музея Сергея Есе-
нина в Ташкенте, часть пе-
редана в Самарский госу-
дарственный музей имени А.
Толстого.

Маргарита Петровна была
частым гостем в музее, рас-
сказывала о своем времени,
о встрече с Есениным, таш-
кентскими поэтами и худож-
никами. А как она одухотве-
ренно читала стихи Ширяе-
вца и Есенина! Этого не за-
быть!

ДА ЕГО МАНИЛ

СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

юме сидел в чай-
огромным аппети-
тующий плов с
запивая зеленым
пирожок, как мис-
В его глазах сия-
ющая лазурь зной-
нического неба. Здо-
и привстал с веж-
благодаря спитанного
очень приветливо
с интересом рас-
Афганистане, ку-
Мне понравились
дубы, лучистые
нина, желтые, как
юма, волосы, скро-
жанность по всем
жизни» (газета
№ 50, 14—20 де-
0 г.). Можно пред-
что этот разговор
я С. Есенину. Об-
ше, хотя и не сов-
но с поэтической
поэт скажет в сти-
и, написанном пос-
в Туркестан;

видел он дальние
страны,
угий
и цветущей поры,
е пески Афганистана
длинную хмарь

Бухары,
ини проявлял боль-
рес и узбекской
а, хотя из-за незна-
а, отсутствия проч-
ей с узбекскими ли-
ми творческие кон-
сидли случайный ха-
Есенин очень хотел
сь с «живым Вос-
с его людьми, не-
поэзией, — вспо-
Г. Мансеева, — У

меня были знакомые в на-
ком-то учреждении, ведав-
шем культурой, у них я вы-
яснила, что никакой возмож-
ности сделать это, так ска-
зать, в официальном порядке
нет: национальное искусство
находилось еще в состоя-
нии становления, не было ни
узбекского театра, ни твор-
ческого союза, послушать
стихи и музыку можно было
лишь у кого-либо дома, при-
гласив артистов, обычно вы-
ступавших в основном на
свадьбах и тоях.

В старом городе у отца
были знакомые, устраивав-
шие такой той, фамилия их
была Нарбековы. Мы с сест-
рой Кеаной, отцом, Колобовы
и Есениным (был еще
кто-то, но я не запомнила
больше никого) отправились
туда. Не знаю, по какому
поводу был праздник, но пом-
ню, что ревели карнан и
дробно гремела добра, высту-
пали певцы, которым акком-
панировали на дутарах мо-
лодые, похожие друг на дру-
га музыканты, все в одина-
ковых тобетейках и халатах.
Есенин был, мне кажется,
несколько оглушен этим шу-
мом, но не подавал виду,
был, как всегда, внимателен
и галантен, шутил и смеял-
ся; однако чувствовалось в
нем какое-то напряжение, он
пытался вслушаться в чужие
напевы, ощутить их мелодию,
но, видимо, это ему не уда-
валось; он быстро устал, му-
зыка, пение, казалось, прев-
ратились для него в общий,
ровный гул, и он молча же-

вал какие-то сладости. На
вопрос, понравился ли ему
на узбекском празднике, Есе-
нин неопределенно пожал
плечами и ответил в том
смысле, что об этом трудно
судить с первого впечатле-
ния, но во всем виденном
чувствуется какая-то своя
жизнь и своя очень живая и
естественная радость.

Этот разговор произошел
между отцом и Есениным
уже у вагона, в котором жи-
ли они с Колобовым и куда
мы их проводили (П. Тар-
таковский, «Свет вечерний»,
Т., 1931, с. 83—84).

24 МАЯ 1921 ГОДА.
С. Есенин подарил А. В.
Ширяевцу свои книги с ап-
тографами. На книге стихов
«Радуница» (1918 г.) напи-
сал: «Ширяевцу, Есенин,
1921», а на «Треряднице»
(1921 г.) выразил более серд-
ечное признание: «Шурке
милому, С. Есенин, Ташкент,
24 мая 1921» («Русская ли-
тература», 1970, № 3,
с. 163).

А. Ширяевец помогал С.
Есенину в организации встреч
с ташкентцами. Часто это
были случайные выступле-
ния поэтов. «Однажды, —
вспомнила Наталья Михай-
ловна Гейниц, в 20-е годы
слушательница бухгалтер-
ских курсов в Ташкенте, —
перед началом сеанса в «Хи-
ре» (так назывался тогда
популярный кинотеатр в Та-
шкенте, — С. З.) вместо ор-
кестра выступали поэты; сре-
ди них прочел одно свое сти-
хотворение и Есенин; делал

он это непринужденно и ве-
село, а потом пригласил соб-
равшихся познакомиться со
стихами имажинистов, по-
купать их книги, — помни-
ся, это можно было сделать
в помещении Ташкентского
союза поэтов» (П. Тартаков-
ский, «Свет вечерний...» Т.,
1931, с. 99—100).

К сожалению, в Ташкенте
сохранилось очень мало при-
жизненных изданий поэта,
привезенных им в 1921 году.
«У меня самого долго храни-
лась есенинская «Трерядни-
ца», купленная при следую-
щих обстоятельствах, — вспо-
минал художник Ф. В. Ли-
холов. — Есенин привез с
собой много своих сборников,
изданных незадолго перед
его приездом. Книжки эти рас-
продавались им самим перед
выступлениями — то ли для
привлечения публики, то ли
для пропаганды имажинизма:
их выпустило, по-моему, из-
дательство «Имажинисты». Есе-
нинские сборники шли на-
расхват, один из них доста-
лся и мне (потом он куда-
то пропал). Попросить Есе-
нина написать книгу — та-
кая мысль у меня не возни-
кала, мне кажется, тогда это
было не в ходу, как сейчас,
когда собиране автографов
стало модой. Помните, по-
читатели и покупатели есе-
нинских книг его об этом
тоже не просили, а жаль, о-
сталась бы память о пребыва-
нии Есенина в Ташкенте»,
(П. Тартаковский, с. 77—78).

С. Есенин выступил в
«Студии искусств» (она на-
зывалась также «Студия жи-
вого слова»), организованной
директором Туркестанской
публичной библиотеки Ку-
линским Николаем Нико-
лаевичем. Об этой встрече
оставила воспоминания Евге-
ния Эммануиловна Ромонат,
одна из слушательниц сту-
дии: «Занятия наши прохо-
дили в помещении библиоте-
ки, когда в ней не было по-
сетителей. Есенина сюда при-
вел Ширяевец, которого мы
все хорошо знали. Он пред-
ставил своего друга, и тот
без предисловий и уговоров
стал читать свои стихи. Чи-
тал очень просто, без рисо-
вки и завывания, как иные
поэты. Каждое его слово
будто ложилось в душу, а
ведь мы, студийцы, именно
в этом кое-что понимали по-
сле серьезных занятий с Ку-
линским.
Не могу забыть, как он
читал «Песнь о собаке» —
удивительно тонко и челове-
чно, так что слезы появи-
лись у многих на глазах, да
и сам поэт, кажется, был
растроган, и голос его дро-
жал. Чувствовалось, что он
не декламирует, а переживает
то, что запечатлено в сло-
ве. В этот момент для нас не
важно было, что это читает
сам Есенин, и значительным
казалось то чувство сострада-
ния и боли, которое поэт до-
нес не только словом, но и
сердцем, голосом, душой.
А вот когда Есенин читал
«Исповедь хулигана», он
очень смущался: кругом были
почти одни девушки, в боль-
шинстве лет шестнадцати-во-
семнадцати, а в стихотворе-
нии есть некоторые волюсти.
И Есенин их опустил, не
стал читать полностью.
Мы долго не отпускали
его, очень просили прочитать
что-нибудь из «Пугачева» (о
поэме рассказал Ширяевец),
но Есенин не стал читать,
сказав, что работа еще не за-
кончена.
Эта встреча произвела на
нас всех огромное впечатле-
ние и наложила отпечаток на
дальнейшие наши занятия;
хотелось проникнуть в глу-
бины поэтического слова,

ощутить в нем ту проникно-
венность и человечность, ка-
кие слышны были в голосе
Есенина...» (П. Тартаков-
ский, «Свет вечерний...», с.
92—94).

Возможно, что на кварти-
ре А. В. Ширяевца произо-
шла встреча С. Есенина «о
своим московским другом,
поэтом Иваном Сергеевичем
Рукавишниковым» (1877—
1930), который возвращал-
ся из Самарканда в Москву.
И. С. Рукавишников востор-
женно говорил о самарканд-
ских встречах, 12 мая 1921
года в самаркандской газете
«Пролетарий» было поме-
щено объявление о вечере
поэзии Рукавишникова в быв-
шем электротресте «Гранд
Вино». Вечер оставил у слу-
шателей противоречивые
оценки. И. С. Рукавишников
проповедовал в своих стихах
культ чистой красоты и бе-
зземной любви, его поэзия
была полна неясных, мистиче-
ских предчувствий, далеких
от общественных интересов
последнего революционного пери-
ода. Неудивительно, что в га-
зете «Пролетарий» (№ 93)
от 15 мая 1921 года появил-
ся маленький фелетон «Ми-
стика», где высказывалось
неострое мнение о приезде
в Самарканд «нового гастро-
лера», который «излил, так
сказать, свою переполненную
мистическим туманом ду-
шу перед аудиторией жажд-
вавшей живого слова об ис-
кусстве». Поэты вели также
разговоры о роли крестьян-
ских освободительных дви-
жений прошлого. С. Есенин
заканчивал работу над по-
эмой «Пугачев», а И. С. Ру-
кавишников собирал мате-
риалы для будущих своих
произведений «Степан Ра-
зин» и «Пугачевщина».
(Продолжение в следующем
выпуске «Мира Есенина»).

МНЕНИЕ ЕСЕНИНОЛЮБА

В МИРЕ БЛОКА И ЕСЕНИНА

● В. ПОПОВ
(г. Воронеж).

В марте 1915 года в Петербург приезжает еще никому неизвестный стихотворец, усевший к тому времени опубликовать в московских журналах несколько своих стихотворений. Под одним из них стояла подпись: Арнстон. Источником для необычного псевдонима послужило пушкинское стихотворение «К другу стихотворцу», опубликованное в 1814 году. Принадлежал он молодому стихотворцу из Рязанской губернии, имя которого вскоре стало известно всей России. Это был Сергей Есенин.

С помощью Блока Петербург благосклонно принял поэта, и Есенин вливается в толпу служителей Парнаса. Однако первая же встреча сразу обнаружила, какие они разные. В ответ на вторую встречу, от которой Блок отклонился, он написал очень важное письмо, смысл которого повторяет пушкинское «К другу стихотворцу». О том, что С. Есенин не внял ни Пушкину, ни Блоку, говорит факт создания стихотворения «Слушай, поганое сердце». Как старший и умудренный жизненным опытом Блок записывает в альбом М. Мухоморова след за Есениным свой ответ-пролог из поэмы «Возмездие». Полемика? Она будет продолжаться до самой кончины поэта.

Революция Есенин создает цикл библейских поэм. И это послужило толчком к самому продолжительному периоду творческого общения с Блоком. Вечером 3 января 1918 года Есенин читает Блоку небародованную поэму — «Инония». Любопытный разговор записывает на другой день в своем дневнике А. Блок. Смысл его всем известен. Важно только отметить, что после нескольких уточняющих вопросов и ответов на них Есенина Блок записывает: «Моя мысль впереди». Она вскоре была выражена в гениальной поэме «Двенадцать». Полемика набирает силу. Совершенно верно по этому поводу отмечает В. А. Вдовин: «Герой поэмы «Инония» испрошает Бога за то, что тот учил смиренно и покорности, гасил порывы всех зовущих и всех дерзающих». Всех, не принявших революции, ждет, по мнению Есенина, гибель: «Говорю Вам — вы погибнете, всех задумит Вас веры мох...»

Вера в Бога поэт противопоставляет веру народа в самого себя: «Наша вера — в силе, наша вера — в нас!» С. Есенин обличает тех, кто пытается уйти от борьбы. Блок осознавал право народа на возмездие, но понимал, что всякие попытки общественного переустройства в прошлом только умножали зло и безумие. Единственный правильный

путь — это нравственный путь, и его олицетворение — Христос.

Путь этот долгий, и максималиста Блока Христос не совсем удовлетворял. Но другого он не видел. Для красногвардейцев он уже не божество. Они поклоняются другому богу. За метелью и сугробами они не видят не только Христа, но и бесов неутомимых.

Революционный держите шаг!

Неутомимый не дремлет враг!

Блок предостерегает идеалистов, рыцарей революции. Он глубоко разбирался в творчестве В. Соловьева и Ф. Достоевского. Есенин не понимал ни того, ни другого. Одна фраза «Верховенский — прекрасный организатор» чего стоит! Блок же о «Бесах» Достоевского писал в 1918 году: «Мы опять стоим перед этой книгой. Она скоро пойдет в жизнь и в дело». Блок видел и предчувствовал — «...поозоруют и разойдутся по домам», а власть окажется в руках жуликов и проходивцев.

Сергей Есенин видел полемическую направленность поэмы «Двенадцать». Горькая ирония Блока заковы задела Есенина. Он отказывается от создания цикла «Сотворение мира», куда составной частью должна была войти «Инония», оставляет нереализованным замысел «Страны негодяев» и создает свой вариант «Катилины» — лебединой песни революции, поэму «Пугачев», называя ее революционной вещью.

Если у Блока ясно и четко прослеживается путь, то Есенин шагнул по бездорожью, продирался сквозь заросли. Он то взлетал в небеса, то барахтался в болоте.

Есенин осознал гибельность своего пути и решил совершить отчаянную попытку начать все сначала. Совсем не случайно перед отъездом в Петроград в декабре 1925 года он зашел к Мухоморову и попросил альбом 1916 года, в котором отыскал пролог к «Возмездию», и воскликнул: «Михаил, какое прекрасное начало поэмы «Возмездие» Блока! Она ведь автобиографична!»

Жизнь — без начала и конца.
Нам всех подстерегает случай.
Над нами сумрак неминуемый,
Пль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы.
Где стерегут нас ад и рай,
Тебе дано бесстрашной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

● Н. КРАСИЛЬНИКОВ ЕСЕНИН

Пышные, поклоном поясным
Расстилались травы перед ним.
Птицы в кроках ясеней и елей
Песню ему звонкую свистели.
Мимо сел и тихих деревень
Шел из сказки русской русский Лель.
Шел и песню напевал негромко,

За спиной легкая котомка.
Синие глаза во все родное небо,
Волосы светлей колосьев хлеба.
Он пока совсем не знаменит,
Завтра его голос прозвонит.
Над Рязанью, над Окой синей,
Надо всей огромною Россией.

ХРОНИКА

XIV ЕСЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Для есенинщиков проводимые Есенинские чтения стали приятной традицией. Их специфика в том, что они практически доступны и открыты всем, кто прямо или косвенно причисляет себя к есенинцам. На чтениях наряду с маститым ученым может высказать свое мнение и начинающий исследователь творчества поэта, наряду с известными коллекционерами Есенинаны присутствуют и те, у кого не так сильны традиции собирательства. Довольно широк и круг обсуждаемых вопросов на чтениях. Но при всей общности, каждое Есенинское чтение специфично. XIV Есенинские чтения, состоявшиеся 26—27 сентября 1992 года в Москве, при сравнении с предыдущими в значительной степени приблизились организационно и по качеству докладов и научной конференции есениноведов. Возможно, что на это повлияло проведение чтений в стенах академического Института мировой литературы, возможно, что была зависимость организации от экономических неурядиц в стране, что могло отразиться на приезде участников. Так или иначе, но два дня есенинщины слушали сообщения по общей проблеме «Товарищи по чувствам, по перу... (Литературные связи Сергея Есенина)». О первых московских литературных адресах Сергея Есенина сообщил В. С. Баранов (г. Самара), о связях поэта с литературой Латвии рассказал доктор филологии Мекки Э. В. (г. Даугавпилс). Были заслушаны доклады Сидориной Н. К. «Сергей Есенин и поволжские поэты»: Флор-

Есениной Т. П. «Современники Есенина о «Романе без вранья» А. В. Маршалева»; Гольцовой Н. П. «Сергей Есенин и литературный Урал»; Пауфилова А. Д. «Сергей Есенин и издатель Н. Д. Сытин»; Казакова А. Л. «Сергей Есенин и Александр Солженицын» и другие. С краткими сообщениями о жизни есенинщиков, о работе музеев рассказали прибывшие из Ташкента, Тбилиси, Баку.

Есенинские чтения проходили как бы в двух плоскостях. Первая регламентировалась соблюдением процедуры обсуждения докладов и сообщений. Вторая же выделялась некоторой раскованностью, где официальность исчезла, преобладала непринужденная форма обмена различной информацией, приобретение книг, газет и журналов, которые стало трудно доставать есенинщикам из-за их малотиражности и изданий за счет авторов. В этом активном общении есенинщиков в центре внимания оказался профессор из Англии Гордон Маклей, известный исследователь творчества С. А. Есенина, автор интересных монографий о жизни и творчестве поэта. Гордон Маклей поделился своими впечатлениями о современном состоянии есениноведения, призывая больше внимания в расшифровке «белых пятен» биографии С. Есенина уделять подлинным документам, достоверным свидетельствам, а не прибегать к домыслам, предположениям. Для известных есенинщиков гость из Англии привез свои монографии на английском языке. Две книги о жизненном пути Сергея Есенина были им подарены Ташкентскому

музею Сергея Есенина. В свою очередь, ташкентские есенинщики передали английскому исследователю материалы о музее, в том числе и пять выпусков «Мира Есенина».

Многих заинтересовало сообщение Ю. Прокушева о подготовке академического собрания сочинений С. А. Есенина в восьми томах. Впервые была высказана идея о создании Есенинской энциклопедии, которая стала бы настольной книгой любого есенинщика.

На XIV Есенинских чтениях было много «сопутствующих» мероприятий, предложенных оргкомитетом, который возглавлял Н. Г. Юсов. Это и поэтизированный дань памяти у могилы поэта на Ваганьковском кладбище в день открытия чтений, это и выставка книг, картин, экслибрисов из личных собраний членов общества «Радуга», это и попытка обсуждения фильма «Ир» по повести Есенина, это и посещение мемориальной комнаты Есениных в Стрелевском переулке, а также дружеская беседа в правлении Общества «Радуга».

Очередные Есенинские чтения состоялись в сентябре 1993 года в Москве. Однако было принято и предложение липецких есенинщиков о проведении внеочередных XV Есенинских чтений в Липецке под девизом «Провинциальные частные музеи имени Сергея Есенина». Такая направленность чтений позволит познакомиться с практической работой общественных объединений есенинцев по пропаганде и изучению творческого наследия великого русского поэта во многих уголках Отчизны и за ее пределами.

1. Альбина Самусевич. Утренний обход. Стихи. Калининградское книжное издательство, 1988 г.

Дарственная надпись: Народному музею С. Есенина в г. Ташкенте с любовью и глубоким уважением к истинно русскому душевнощедрому поэту, с посвящением цикла стихов: «Май в Константинове» от автора. Альбина Самусевич, г. Калининград, 5/VII, 1988 г.

2. Федор Гарин. Избранное. Поэзия. Харьков. Издательство «Знамя», 1984 г., на украинском языке.
Дарственная надпись: Му-

АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ МУЗЕЮ

зею Сергея Есенина в Ташкенте с благодарностью Узбекистану за любовь к великому русскому поэту. Федор Гарин, 24/IV — 89 г. Полтава. Р. С. 1) стихи о С. Есенине — стр. 180; 2) стихи об узбекском крае — 141—142.

3. Ясная Поляна. Тула. Приокское книжное издательство, 1985 г.

Дарственная надпись: Музею Сергея Есенина, великого русского поэта, Москва,

Ленко, 25 сентября 1988 г. Ясная Поляна (от художника Москаленко).

4. Иван Приблудный. У родных верб. Донецк. «Донбасс», 1985 г.

Дарственная надпись: Музею С. Есенина в г. Ташкенте от составителя и автора вступительной статьи в сборнику И. Приблудного О. Бишарова на память. 10/IV г. Ворошиловград — 85 г.

5. Нина Краснова. Потерянное кольцо, Москва, Сов-

писатель, 1986 г. Стихи.

Дарственная надпись: Ташкентскому музею моего любимого поэта, моего славного земляка Сергея Есенина — дарю свою книгу, радуясь, что в Ташкенте есть такой музей, и желая, чтобы он разрастался и процветал! — Нина Краснова из «страны березового ситца». 2/XI — 1986 г. Рязань.

6. В. В. Коржачи. Л. 1969 г. Есенин и народная поэзия. Ташкентскому народному музею на добрую

память из моей библиотеки в честь нашей теплой встречи. П. Х. Забирова. 13/II — 1988 г. (К.Ф.Н. автор книг о Мусе Джалиле).

7. Стилистический анализ цикла «Персидские мотивы» С. А. Есенина. Методические рекомендации для учителей русского языка и литературы и студентов филологических факультетов педагогических институтов. Харьков, 1988 г. Стеняченко П. И.

Дарственная надпись: Ташкентскому музею С. Есенина от автора с самыми добрыми пожеланиями. 19.05. 90 г.

Сергей Есенин и Марина Цветаева

А. СВЕТЛАЯ

Дай мне руку — на весь тот свет —
Здесь — мой обе занять...
Конец XX века ознаменован торжественно-печальным возвращением имен тех великих поэтов, которые с гордостью произносились в начале столетия. Сменил друг друга, проходят столетие юбилей А. Ахматовой, Б. Пастернака, О. Мандельштама. 1992 год был объявлен годом Марины Цветаевой. На пороге юбилей В. Маяковского, С. Есенина...

Для нас, сегодняшних читателей, русской поэзии, юбилейные издания и многочисленные публикации о жизни и творчестве гениальных поэтов открывают неожиданные свидетельства святости судеб, столкновения страстей, различных взаимоотношений, поэтических переключений. Уйдя от нас «на весь тот свет», они предстают в объединяющих их документах, письмах, воспоминаниях.

Марина Цветаева и Сергей Есенин — почти ровесники. Московская и питерская литературная среда —

место их неоднократных встреч, совместных выступлений на литературных вечерах. И если в уже опубликованных есенинских материалах имя Марины Цветаевой лишь промелькнуло, то Марина Иванова и ее дочь Ариадна Эфрон рассказали о Есенине немало интересного.

Вот как описывает свои впечатления о встрече с Есениным дочь Марины Цветаевой: «Вошел Есенин, худой человек с длинными ушами. (Марина Цветаева поясняет: короткая стрижка обнажила уши, это расемшило и завомнилось). Он говорит: «Восемь дней ничего не ел. Там даже воскресенья не празднуют, ни кусочка хлеба. Мне дали пол-блота. Едва-едва вырвался!» Марина его накормила».

Конечно, девочка не могла знать, за что чепухи задержали поэта на столь продолжительное время. Да и мы сейчас, познакомившись с военными годами Свирской, только можем предположить, что речь идет о задержании С. Есенина, А. Мариенгофа, В. Шершеневича за то, что они в голодный год пользовались услугами подпольного ресторана.

Аля записала 1 мая 1919 года свои впечатления о литературном вечере во Дворце искусств (бывший дом Соллогуба), куда она пришла вместе с Мариной Цветаевой и поэтом Балмонтем. На вечере многие читали стихи, но ей запомнились Сергей Есенин, который прочитал стихотворение про то, «как месяц спрыгнул с неба, обратился в жеребенка, а он заряг его в колесницу». Так семилетняя девочка, воспитанная на классике, русские саги из стихотворения С. Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...» восприняла как колесницу. В этой же записке она заметила, что, когда все стало расходиться, С. Есенин подошел к Марине Цветаевой и что-то долго рассказывал ей, а она его внимательно слушала.

Марина Цветаева описала забавный случай, связанный с Сергеем Есениным. Произошло это в доме Кенингиссеров. Марина Цветаева была дружна с Сергеем Кенингиссером, в то время как Лена, его брат, подружился с Сергеем Есениным. Их часто видели вместе. Они увлекались поэзией. Спорили. В один из вечеров Сергей Есенин и Левина Кенингиссер сидели в обнимку на диванчике, посреди большо-

го, как в музеях, зала. Хозяин зала, известный инженер Кенингиссер, стрелитель знаменитого бронепоезда, войдя в зал и увидев их со спины, был несколько шокирован, так как принял Есенина за Маришу Цветасеву — так были схожи их причёски. Встретив же Маришу в другой комнате, он, расемевшись, рассказал о своей ошибке. Поразительное сходство «вьющихся в снобку волос» Цветаевой и «золота волос» Есенина ввели его в заблуждение. Марина Цветаева позже по-своему описала эту сцену: «Ленина черная головная гладь, Есенинская сплошная нудря, вурча, Есенинские вазельки, Ленины медалики. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовольствие, как от редной и полной рифмы».

В своих стихах оба поэта не раз воспевают красоту и буйство своих голос:

У Цветаевой:
«Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светлокосой...»
У Есенина:
«Ох ты, молодость,
буфал мелодость,
Золотая сорви-голова!»

Естественно, что каждый из поэтов являл собой особый мир, был «единственным цветом небезгориным», но в их жизни и поэзии было немало сходящихся витей. Оба росли в числе главных поэтических восторгов они называют «Слово о полку Игореве», любят народное творчество и русскую историю. Оба росли на берегах Оми, только Есенин в Константиново, а Марина Цветаева в Тарусе. Общим открывала тайны свои и красоту русская земля, с которой они связывали свое рождение:

Цветаева:
«Красною ищетью рябина
зажглась.
Падали листья.
Я родилась».
Есенин:
«Родился я с веснами
в травном одеде.
Зори неки вешние в радугу
свивали».

Однако, как мне кажется, творчество Сергея Есенина Цветаева оценивала с очень близкого расстояния. Хотя она и была современницей Есенина, все же можно предположить, что далеко не все из изданного есенинского творческого наследия было ей известно. Даже посещая в Петрограде на одном из литературных вечеров, где

реша, заслуженный успех, она вспоминает, что была удивлена, услышав в исполнении Сергея Есенина его исторические поэмы «Марфа Посадница». «Уе, как бы не ожидая этого от него.

В письме Б. Пастернаку 19 июля 1925 года Марина Цветаева резко отрицает его сомнения в целесообразности творчество, так как ему якобы недостает есенинской поэтической искренности, пишет: «Составление с Есениным — смеешь. Не верю в него, не боюсь им, всегда чувствую, как легко быть Есениным! Я тебя ни с кем не сопоставлю. Сам же Борис Пастернак в 40—50-х годах, работая над романом о докторе Живаго, признавался, что своему герою придавал не только автобиографические черты, но и черты Маяковского, Есенина. Даже стихи свои писатель «отдавал» Живаго, среди которых «Март», «Свадьба», «Объявление» очень близки к Есенину.

Трагическая кончина С. Есенина побудила М. Цветаеву в январе 1926 года взяться за поэму о нем. Но уже в письме Б. Пастернаку от 1 июля 1926 года она признается, что «не смогла (пока) взять Есенина», то есть показать поэта так живо, как это получилось у Пастернака с образом лейтенанта Шмидта. В тетради Марины Цветаевой осталось скрепленное болто четверостишие «Памяти Сергея Есенина» с пометкой автора «Стрелки из несбывшейся поэмы»:

И не жалость — мало жила,
И не горечь — мало дал.
Много жила — кто в ваши жила
Дни, все дал — кто песню дал.

Трижды повторенные слова «жила — дал» напоминают как бы критичные влакательцы под колокольный звон...

И в дальнейшем Марина Цветаева не раз возвращалась к образу поэта, создавая поэтический цикл о В. Маяковском. Новые поэтические произведения советских поэтов она сравнивает и оценивает со своих несбытых восторгов. Прочитав «Гренаду» Светлова, М. Цветаева писала Б. Пастернаку: «Передай Светлову, что его «Гренада» — мой любимый — чуть не сказала, мой лучший — стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори — пусть Есенину мирно спится».

Не следует забывать, что эти оценки давались в очень сложное время. Для нас важно, что Поэт воздал Поэту, признавая его великий песенный дар, что Марина Цветаева пыталась дать через свое поэтическое видение оценку есенинского дарования. И приходится только сожалеть, что этому не удалось осуществиться, хотя еще теплилась надежда, что в архиве М. Цветаевой, который закрыт для исследователей по воле ее дочери до конца века, могут быть и новые материалы о Сергее Есенине.

НАМ ПИШУТ

С КНИГОЙ — ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Б. СТЫРИКОВИЧ

Приятно и радостно сознавать, что имя великого Есенина, с его любовью ко всем людям и народам, продолжает связывать нас, есенинско-любов, несмотря на то, что волей политиканов мы разделены хотя и прозрачными, но границами.

Я, Стырикович Борис Владимирович, 1924 г. рождения, потомственный петербуржец, инвалид ВОВ II группы, поэзией Есенина начал увлекаться еще в 3-м классе III-й школы Санкт-Петербурга (Старый Невский), когда его рукописные стихи, переданные мне отцом (в дальнейшем был репрессирован и выслан из города), и тайком распростра-

нял среди учеников. В старших классах, перед самой войной, мы собирались, как на подпольные сходки, у него-вибуди из верных друзей, и каждый почитал за честь прочесть неизвестное для нас стихотворение Есенина.

Будучи ранен и контужен на Ленинградском фронте при первом прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года, разбил хлам на чердаке дома, где находился госпиталь, я с радостью потянулся на сборник стихов Есенина (изд. «Круг», 1924 г.). Этот сборник прошел со мной остаток войны. В перерывах между боями я читал бойцам стихи Есенина, особенно часто «Письмо матери», «Памяти Ширелева», «Дорогая, следом рядом», «Не жалую, не зову,

не влачу...», так как они во многом были созвучны нашим переживаниям.

Упоминутый сборник положил начало собирательству всего, что было так или иначе связано с именем Сергея Есенина. Это — многочисленные издания его произведений, сборники воспоминаний о Есенине, монографии о его творчестве, биографии, пластинки, кассеты с записью стихов поэта и т. п.

К сожалению, работа по специальности я — геолог, но люблю поэзию и сам пишу стихи) в самых различных районах страны и за рубежом долгое время не позволяла приступить к систематизации всего накопленного за многие годы. Труд геолога, как это ни парадок-

сально, позволил мне, инвалиду войны, находиться в стране до самого последнего времени. Немалую роль в этом сыграли и жизнеутверждающие стихи Сергея Есенина. Кто это сказал, что его стихи удачливее, зовут и уходят из жизни?»

Мне кажется, что наступила пора в корне пересмотреть мировоззрение С. Есенина и его эволюцию. Даже такие исследователи его творчества, как Ю. Прокушев и С. Кетчеркин, не говоря о многих других, почему-то все время пытались заткнуть его всеми правдами и неправдами в стан большевиков («Мать моя — Родина, я большевик!»). Творчество поэта свидетельствует все о другом.

Думаю работать с накопленными материалами в следующих направлениях (кроме обычной сортировки и составления библиографии): сбор и систематизация

стихотворений различных авторов, посвященных С. Есенину; кратких, но емких высказываний великих (и не очень) людей о С. Есенине; фраз и стихов С. Есенина, которые стали крылатыми и потеряли как бы авторство; библиографическое описание биографии С. Есенина.

Я отдаю себе отчет в том, что одному осилить эти темы сложно: нет ни сил, ни средств. Хотелось бы привлечь многочисленных любителей поэзии С. Есенина. Можно было бы объединить усилия и к юбилею поэта добиться нужных результатов. Большую помощь могли бы оказать «Радуница», государственные музеи русского поэта в Константиново и Ташкенте, общественные музеи Сергея Есенина и «Мир Есенина». Если кто откликнется, то сообщая свой адрес: 198215, Россия, г. Санкт-Петербург, бульвар Царскосельский, дом № 63.

**ЭКСЛИБРИСНАЯ
ЕСЕНИНИАНА
ХУДОЖНИКА
Н. СТРИЖАКА**

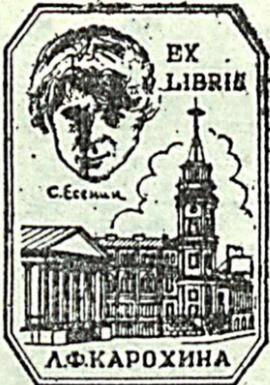

В. БЕСПЕРСТОВ

В Санкт-Петербурге признанным мастером экслибриса является член Союза художников Н. Стрижак. Его работы получили широкое признание: он лауреат международных конкурсов в Германии (1984 г., Веймар и 1987 г., Висбаден), в Польше (Страховицы, 1990 г.). В каталоге персональной выставки (Ленинград, 1986 г.) о художнике говорится: «Можно прочесть биографию Н. Стрикака по его авторским экслибрисам, мотивы которых говорят о некоторых жизненно важных для автора фактах его биографии. У Стрикака завидно интересная судьба: инженер, искусствовед и журналист, график; по своим увлечениям — коллекционер и библиофил. Глубокое знание истории, литературы и искусства позволяет Стри-

жаку создавать экслибрисы на самые различные темы... Портретная галерея, созданная им в книжных знаках, обширна и впечатляюща. Н. Стрижак создал серию миниатюр, посвященных С. А. Есенину. Сюжетные мотивы экслибрисов есенинской тематики навеяны строками лирических произведений поэта. Назову несколько сюжетов и владельцев книжных знаков: «Мы теперь уходим понемногу...» (для

доктора сельскохозяйственных наук Г. Стадницкого), «Низкий дом с голубыми ставнями...» (для педагога Е. Должковой из Луганской области), «В Хорасане есть такие двери...» (для рабочего П. Продалова из Вязьмы), «Сукин сын» (для педагога В. Кузнецовой из Мурманской области), «Мне осталась одна забава...» (для библио-

фила Ю. Васильева), «Черный человек» (для филолога Э. Мекша из Даугавпилса). Всем есенинолюбам известна книга В. Дитца «Есенин в Петрограде — Ленинграде». Здесь воспроизведены книжные знаки П. Нестерова и Л. Карохина, которые создал П. Стрижак. К сожалению, фамилия художника не указана. Сообщая эти данные, хотелось бы в какой-то мере устранить эту несправедливость.

ИЗ СОЛДАТСКОЙ ТЕТРАДИ

ЕСЕНИН НАШ, ЕСЕНИН С НАМИ

А. ДУХАНИН

Москва начала 1943 года. Газеты сообщают подробности окружения армии Паулюса под Сталинградом. Столица ликует. Все, даже незнакомые люди, встречаясь на улицах, поздравляют друг друга с крупной победой на Волге.

После зимних сильных морозов в ту зиму вдруг наступила оттепель. Стены домов и каменные заборы покрылись густым мхом иней. Москва не спала в те ночи. Окна домов не маскировались и горели красными и оранжевыми абажурами.

Неожиданно среди военных сводок, плакатов, сообщений на улицах появилась большого формата театральная афиша, извещающая, что в Доме ученых на Кропоткинской состоится вечер памяти Сергея Есенина. С чтением стихов поэта выступят Качалов, Аксенов и другие выдающиеся артисты московских театров.

В вестибюле стоял крепкий запах сырматной кожи. Вешалка забита белыми свинными полушубками военных. Зрительный зал переполнен. Даже проходы заняты волнующей публикой.

И вот на сцене появился Качалов. Строгая, высокая, подтянутая фигура, мужественное спокойное лицо и неповторимый качаловский голос. Он читает много, охотно, видно было, что и он сам полон поэзией Есенина. Многие стихи Качалов повторяет дважды и даже трижды по требованию публики. Остро чувствовалось, что публика соскучилась, стосковалась по Есенину.

Мы жадно вдушивались в строки:
Пройдет вранья племя,
Исчезнет ложь и грусть.
Я буду воспевать всем существом

в поэте

Шестую часть земли
С названием кратким — Русь.

В тот зимний вечер все собравшиеся в зале на Кропоткинской, как никогда, осознавали тайну живой, могучей силы, исходящей из каждого стихотворения поэта. Эта тайная сила заключалась в обостренном чувстве Родины, которое было так свойственно Есенину. Каким бы строчка ни звучала из уст Качалова, мы воспринимали её как наказ нам, уходящим на фронт, защищать Родину.

Но вот пришел черед стихотворениям, в которых горе, боль и тоска: «Ведь и яблоне тоже больно терять своих листьев медь». У

всех у нас, прошедших в огне фронтов сотни верст по метельным большакам и проселкам, в мороз, дождь и зной, в невообразимо тяжелой окопной солдатской работе, со смертью рядом и даже ближе, чем четыре шага, потекли по щекам слезы. То была не слабость и не жалость к себе. После этих слез каждый чувствовал себя сильнее, мужественнее и выше. Исчезли, казалось, заботы неустроенного быта военного времени и повседневные тяготы солдатской фронтовой жизни, освобождая путь самому чистому и светлому чувству горячей любви к Родине, к России, которое с такой силой выразил Есенин:

Но более всего любовь к родному краю
Меня томил, мучила и жгла!

Артист Аксенов блестяще прочитал весь цикл есенинского шедевра — «Персидские мотивы», в которых также слышна была всё та же неслыханная любовь к родной земле:

...Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолгий.

Ни один из великих поэтов не потрясал меня так, как Есенин: «Выткался на озере алый свет зари», «Страна березового ситца, где звенит лебжьей шейей рожь», «И никакая Родина другая не воллет мне в грудь мою теплыню», «Сердцу снятся скирды солища в водах лонных, я хотел бы затеряться в зелених твоих стозвонных».

И всё это о Родине, о России!

Еще больше ощущается духовная связь есенинской поэзии с нашей современной жизнью, со всеми нами. Нужна было время, чтобы народ осознал и понял, что значит для нас Есенин и значение его поэзии для воспитания любви к родной земле. Закономерно, что мы смогли doracти, наконец, до глубокого понимания творчества Есенина. Понятие «большое видится на расстоянии». И это расстояние измерялось десятками лет! Побывать у самого истока, родника его поэзии, озарившей ярким светом одну из блистательных страниц русской поэзии, влечет каждого. В самом звуке, слове — «Есенин» — видится что-то енное, как заокские дали, весеннее, как голубое небо над Россией, как радость весны.

Пушкин — солнце, а Есенин — звезда самой крупной величины на небосклоне великой русской поэзии.

Есенин наш, Есенин с нами!

НУЖНА ПОМОЩЬ ЕСЕНИНОЛЮБОВ

При ташкентском Музее Сергея Есенина создана инициативная группа по сбору средств на памятник дочери поэта Татьяне Сергеевне Есениной. Первыми откликнулись преподаватели русского языка и литературы столицы Узбекистана. В фонд, который возглавляет преподаватель школы № 248 Л. С. Харламова, уже поступило более пяти тысяч руб-

лей. Совет музея решил передать на сооружение памятника часть средств, которые были получены от реализации пяти выпусков «Мира Есенина». Сюда же переданы присланные из различных городов и сел СНГ деньги, которые получила общественная редакция выпусков: от Р. Еремья (г. Ташкент), Юзвенко (г. Житомир), Арефьева В. А. (г.

Бузулук) и др. Предположительно, что для подготовки памятника и на его установку в годовщину со дня смерти Т. С. Есениной потребуются около 18—20 тысяч рублей. Сейчас работа по сбору средств продолжается, и мы надеемся на помощь добровольцев. Деньги можно отправлять по адресу: 700000, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Л. Толстого, 20, Музей Сергея Есенина, с обязательным указанием «На памятник Т. С. Есениной».

ИЗ ЛИЧНОГО СОБРАНИЯ

Автографы современников

А. МАЛЬЦЕВ

Много лет я занимаюсь сбором материала и изучением творческой биографии С. Есенина. Видное место в собранной коллекции занимают автографы современников поэта.

«С удовольствием буду переписываться с вами, хочу, чтобы знали правду о Есенине», — так написала мне в одном из писем А. Л. Миндлашевская (1901—1977), актриса Московского камерного театра, которой посвящен цикл стихов есенинской лирики. Искреннее желание узнать правду о великом певце земли русской — без приукрашивания, но и без нелепых измышлений — побудило меня заняться поиском близких и дальних родственников, друзей поэта. И завязалась переписка...

Сейчас в моем собрании более сотни автографов современников поэта, письма и фотографии людей, близко его знавших. Приобретение каждого автографа было событием в «Клубе любителей

поэзии Есенина» луганской школы № 39, которым я руководил долгие годы, работал учителем. И сейчас, выступая с беседами о жизни и творчестве Есенина, вижу, что автографы современников поэта вызывают живой интерес как у взрослой, так и у детской аудитории.

Н. А. Павлович (1895—1980) — поэтесса и переводчица, автор воспоминаний о А. Блоке и С. Есенине. В первые годы после революции она была секретарем литературного отдела московского Пролеткульта, соавтором С. Есенина по киносценарию «Зовущие зорь». В адресованном мне письме она пишет: «Я выступала с Есениным на вечерах, об этом — в моих воспоминаниях». Интересны письма журни-

листа Б. А. Сорокина (1893—1972), который учился вместе с Есениным в университете имени Шеняевского по историко-филологическому факультету. «Мне дорого внимание каждого человека», — писал Г. Сорокин, — и творчеству великого русского лирика, память о нем я бережно хранил в своем сердце... Автор книги «Все, что помню о Есенине» М. Д. Ройзман (1896—1973) был секретарем «Ассоциации вольнодумцев» в Москве, а С. Есенин — председателем. В 1973 году Ройзман подарил мне свою книгу и автограф с теплыми словами о поэте.

До последних дней своей жизни Н. И. Шнейдер (1891—1980) неустанно пропагандировал творчество Есенина. Бывший театральным работником, директор студии Л. Душан, он три года жил рядом с поэтом в одном доме, написал книгу «Мои встречи с Есениным». Письмо Шнейдера хранится в моей кол-

лекции.

Дорога мне и рукопись воспоминаний Н. Р. Колобова, встречавшегося с Есениным в 1920 году. Он рассказывает в них о своем брате Г. Р. Колобове, близком друге Есенина. В письмах Н. Р. Колобова немало интересных подробностей о дружбе Есенина с А. Мариенгофом, Г. Р. Колобовым.

«Я хорошо знал Есенина, часто встречался с ним в Москве и Ленинграде, встречался даже в Тбилиси, где он был очень известен и любим...» — вспоминал известный советский писатель Н. С. Тихонов (1896—1976). Своё письмо он заканчивает словами: «В народной памяти живет такой жизнелюбивый и изумительно сердечный поэт Сергей Есенин...»

С большим уважением отношусь к чете художников из Еревана — Григорьяном. Наше знакомство переросло в дружбу. Георгий Степанович Григорьян (Джотто), зас-

луженный художник Армени, лично знал Есенина по кавказскому периоду его жизни, написал об этом воспоминания и нарисовал прекрасный портрет поэта.

Жена Джотто — Диана Несторовна Уклеба-Григорьян — выполнила мою просьбу и написала для моей Есенины изумительной работы портрет С. Есенина. Он экспонировался на персональной выставке художницы в Москве.

«Родное и близкое» — так назвала свою книгу сестра поэта А. А. Есенина (1911—1981). Эта книга с автографом автора бережно хранится в моей коллекции, рядом с письмами и фотографиями Константина Сергеевича и Татьяны Сергеевны Есениных — сына и дочери поэта.

Надеюсь на новые встречи с людьми, которым выпало счастье видеть и знать великого певца России, с искренними почитателями его творчества.

г. Луганск.

**И. о. редактора
Ю. И. ПОПОВ.**